

ВАДИМ ДЁМИН

---

# По следу «Серого»

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ  
(КНИГА ПЕРВАЯ)



Вадим Дёмин

**По следу «Серого».  
Автобиографическая  
повесть (книга первая)**

«Издательские решения»

**Дёмин В.**

По следу «Серого». Автобиографическая повесть (книга первая) /  
В. Дёмин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902687-3

Красная армия приступила к освобождению Европы от ига немецко-фашистских захватчиков, но на «мирной» земле Украины война продолжалась. Националистические банды, не пожелав сложить оружие, продолжали борьбу против Красной армии и мирного населения. Враг коварен, хитер и беспощаден, действовал тайно, подло, исподтишка. Пограничники, солдаты и офицеры внутренних войск, проявляя мужество, стойкость и самоотверженность, вступили в смертельную схватку с невидимым врагом, как гончие шли по его следу.

ISBN 978-5-44-902687-3

© Дёмин В.  
© Издательские решения

## Содержание

От автора	6
Об авторе	9
Дёмин	11
I. Дорога	14
II. Война	22
III. На трудовом фронте	27
IV. В одном эшелоне	38
V. В учебном полку	43
VI. Боец Воронин	46
VII. В Подмоскowie – на формирование	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

# По следу «Серого» Автобиографическая повесть (книга первая)

**Вадим Дёмин**

*Иллюстратор* Ольга Адамова

© Вадим Дёмин, 2018

© Ольга Адамова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2687-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



*Светлой памяти моего отца,  
Дёмина Николая Петровича  
и его боевых друзей ПОСВЯЩАЕТСЯ*  
(автор)

*Только бы все это не забылось!  
Только бы люди стали мудрей.  
И все это снова не повторилось!*  
Э. Асадов

*Кто мы такие? В юности – солдаты,  
Потом трудяги, скромно говоря,  
Но многие торжественные даты  
Вписали МЫ в листки календаря.*  
Э. Асадов

## От автора

Мой папа не был героем, в общепринятом смысле этого слова, но он воевал в том аду с 25 августа 1942 по 9 мая 1945 года – 988 дней и ночей, а это, согласитесь, могли выдержать только героические люди.

Мой папа и его боевые товарищи не отступили ни на шаг! Они выстояли! Они победили!

Благодаря всем им победоносно завершилась самая кровопролитная и самая жестокая из всех войн на планете – Великая Отечественная война.

Благодаря им мы сегодня живем на этом свете. Благодаря им будут жить и все последующие поколения.

И мы это должны помнить вечно!

Я не случайно избрал форму повествования – «от первого лица». За несколько лет до того дня, когда не стало моего папы, я все настойчивее стал расспрашивать его о том, какой была для него война, что пришлось испытать ему и его боевым товарищам. Несмотря на то, что я хорошо знал весь его боевой путь, фронтовую биографию – папа часто выступал перед молодежью в школах, ПТУ техникумах, – мне хотелось знать, какой была эта война не по книжкам, публичным выступлениям, а с его слов, потому что очень многое было глубоко личным, а потому оставалось «за кадром».

Постепенно и неохотно, он рассказывал подробности, которые стали для меня открытием – не всегда фронтовики рассказывали школьникам на «уроках мужества» всё то, что довелось им пережить на той страшной войне. Много личного осталось у них в душе, так сказать, «не для печати», «не для публикации». А зря! Войну надо знать не только с «парадной стороны».

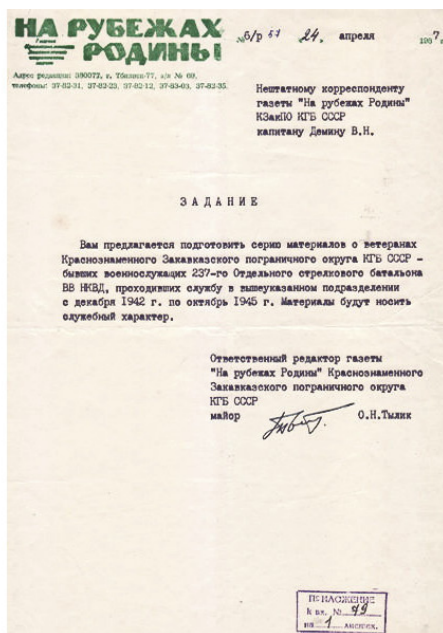
И тогда в моей голове родилась тревожная мысль: наши отцы, деды – не вечны, пройдут годы, и когда-нибудь их не окажется рядом с нами. Вместе с ними уйдет и то, что они знали, помнили, пережили. Сменится одно поколение, другое, третье, и молодежь не будет так остро переживать рассказы о войне как мы, слушая воспоминания наших отцов, очевидцев тех событий.

Я включал старенькую «Комету» и записывал его слова на магнитную ленту.

Спустя несколько лет после наших бесед, я, по заданию редакции окружной военной газеты, работал в Центральном Государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА) (с июня 1922 г. – Российский Государственный Военный Архив (РГВА) и бережно перелистывал пожелтевшие от времени документы, в которых значились фамилии моего отца и его боевых друзей.

Для меня это было так волнительно и трогательно. Я словно окунулся во фронтовую юность своего отца, будто бы все это происходило не с ним, а со мной: я вместе с ним участвовал во всех боевых операциях, разговаривал с его командирами и товарищами, сражался с врагом, вокруг меня свистели пули, рядом со мной загероились бойцы...

Я пропустил все это военное лихолетье через свои сердце, ум, душу и память. Читая протоколы партийных и комсомольских собраний, я ощущал себя сидящим в первых рядах его участников, а за каждой строчкой боевых донесений слышались разрывы снарядов, автоматные и пулеметные очереди, ружейные выстрелы....



...Шла жестокая борьба с врагами Советской власти в Западной Украине, пытавшимся вооруженным путем свергнуть ее. Современные идеологи ОУН-УПА<sup>1</sup> пытаются сегодня представить воинов НКВД как оккупантов, убийц, насильников, а истинных злодеев, убийц – национальными героями. Долгие десятилетия после войны эта тема не выходила на первые страницы газет, журналов, экраны телевидения, считалась довольно «острой». Ее аккуратно обходили стороной, где-то замалчивали, что-то не договаривали...

Я не был участником описанных событий, но когда были опубликованы отдельные главы моего первого очерка, и я показал его папе, тот прослезился: «Да, именно так все и было!».

Это была лучшая награда за мой журналистский труд. Спустя 11 лет вышел журнальный вариант. И я начал работать над полным форматом книги, решив, что она будет лучшим памятником не только ему, но и всем тем, кто отстоял мое право на жизнь – кто пришел с войны, и тем, кто не вернулся с последнего боя, задания....

За это всем вам – низкий поклон до земли!

Все, что написано в книге – не плод моей фантазии или вымысел. Действительно, некоторые события реконструированы по воспоминаниям моего отца – *Дёмина Николая Петровича*, его боевого командира роты – *Страхова Николая Евгеньевича*, фронтового друга – *Воронина Владимира Ивановича*, другие воспроизведены на основании архивных материалов и прочитанных документов, книг – немых свидетелей того времени. Они и являются главными героями повести.

Возможно, где-то могут встретиться неточности. К сожалению, память не может хранить все вечно. И пусть меня не судит строго читатель, ведь я хотел рассказать то, что услышал от своего папы...

**«Не судите, да не судимы будете...!»**

*Евангелие от Матфея, 7:1*

<sup>1</sup> Здесь и далее – Организация запрещена на территории РФ. 22 января 2015 г. в перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, включено 5 украинских организаций: – Украинская организация «Правый сектор»; – Украинская организация «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА – УНСО); – Украинская организация «Украинская повстанческая армия» (УПА); – Украинская организация «Тризуб им. Степана Бандеры»; – Украинская организация «Братство». Основанием для включения перечисленных организаций в перечень стало решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014.



## Об авторе



### *Дёмин Вадим Николаевич*

Родился 10 июня 1957 года в г. Вентспилс, Латвийской ССР, в семье офицера-пограничника.

В 1974 году после окончания средней школы поступил на учебу в Московское высшее пограничное командное ордена Октябрьской революции Краснознаменное училище КГБ СССР имени Моссовета.

Получив диплом с отличием и право выбора будущего места службы, был направлен в Краснознаменный Закавказский пограничный округ КГБ СССР – в Отдельный контрольно-пропускной пункт «Новороссийск».

В период службы организовал и возглавил в части нештатный военкоровский пост. Материалы о службе, боевой и политической подготовке, общественной жизни окпп регулярно направлялись и публиковались на страницах окружной газеты «На рубежах Родины» КЗакПО КГБ СССР.

В 1983 году по ходатайству ответственного редактора газеты переведен в Управление войск округа и зачислен в штат редакции. Работал корреспондентом – организатором отделов службы, боевой подготовки и спорта; пропаганды и агитации, культуры и быта; партийной и комсомольской жизни.

В 1985 году принят в Союз журналистов СССР.

В 1986 году назначен заместителем начальника отделения оформления пассажиров и транспортных средств по политической части ОКПП «Батуми», где продолжал активно сотрудничать с редакцией газеты. В 1988 году по ее заданию работал в Центральном архиве Советской Армии с целью подготовки будущей книги о пограничниках-закавказцах-участниках Великой Отечественной войны.

С 1990 по 1992 гг. выполнял задачи по охране дипломатического представительства РФ за рубежом (Народная Республика Ангола) в период гражданской войны (1975—2002) – крупного вооружённого конфликта на территории этой страны между тремя соперничающими группировками: МПЛА, ФНЛА и УНИТА.

По возвращении из длительной заграничной командировки вновь вернулся в родную часть и был назначен на должность старшего офицера отделения службы и воинской дисциплины, затем – старшего офицера отделения кадров и по работе с личным составом, а с 1995 года возглавил отделение воспитательной работы ОКПП (ОПК, отрпк) «Новороссийск», которым успешно руководил до 2006 г.

За все это время отделение воспитательной работы отрпк постоянно занимало передовые позиции, а часть на протяжении многих лет по итогам периодов обучения по состоянию морально-психологического обеспечения признавалась лучшей в Краснознаменном Северо-Кавказском региональном управлении ФСБ России.

В 2006 г. по достижении предельного возраста пребывания на военной службе уволен в запас ВС РФ, имея за плечам 32 года календарной выслуги.

В 2003 г. принят в Международную Ассоциацию писателей баталистов и романистов.

Награжден медалью «За отличие в охране государственной границы», другими ведомственными наградами ФСБ России, серебряной медалью ВДНХ СССР. Ветеран труда, ветеран военной службы.

Женат. Имеет двух дочерей, четырех внуков. Жена также проходила службу старшим контролером отделения пограничного контроля отряда пограничного контроля «Новоросийск», старший прапорщик в отставке. В 2014 г. по достижении предельного возраста пребывания на военной службе уволена в отставку. Ветеран труда, ветеран военной службы.



## Дёмин Николай Петрович



**09.05.1924 г. – 14.02.1989 г.**

Родился в крестьянской многодетной семье в деревне Балахониха Чернухинского сельсовета Арзамасского района Горьковской области.

По окончании семилетней школы поступил на учебу в Арзамасский (впоследствии Сызранский) путейско-строительный техникум НКПС СССР, но тяжелое материальное положение в семье, которая состояла из 10 человек, вынудило оставить учебу, и не доучившись год, устроиться разнорабочим на строительство автодорожной магистрали Горький – Арзамас – Кулебаки.

В январе 1941 года Николай поступил на трехмесячные Арзамасские межрайонные курсы счетных работников, после окончания которых вначале работал учетчиком, а с августа 1941 года – счетоводом Балахонинского колхоза.

В тяжелый, критический для нашей Родины момент, когда враг находился на подступах к Москве, Николай по комсомольской путевке был направлен на строительство оборонительных рубежей юго-западнее города Горький.

В августе 1942 года Демин Н. П. обратился с заявлением в Арзамасский РВК и РК ВЛКСМ о направлении его добровольцем в Действующую Армию. Просьба была удовлетворена.

Его военная служба началась 25 августа 1942 года в 300-м запасном полку внутренних войск НКВД СССР. Военную присягу принял 6 ноября 1942 года и на второй день был направлен в Действующую армию – 237-ой отдельный стрелковый батальон внутренних войск НКВД СССР, принимал участие в боях по освобождению городов Ярцево, Смоленск, Рославль. Воевал стрелком, бронбойщиком, 2-м, 1-м номером минометного расчета, радистом, командиром радиоотделения минометной роты. В боях за г. Смоленск был ранен.

С января по август 1944 года принимал участие в боевых действиях по охране тыла 1-го, затем 2-го Украинских фронтов. С выходом частей и соединений Красной Армии на линию государственной границы СССР и вступлением их на территорию стран Западной Европы Демин Н. П. воевал на румынской территории – гг. Ботошаны, Дорохой, Бухарест.

Вступив в Румынию весной 1944 года, войска 2-го Украинского фронта, тыл которого охраняли части и соединения 21-ой стрелковой бригады ВВ НКВД, форсировали реку Прут и заняли плацдарм, севернее города Яссы.

Летом-осенью 1944 г. на освобожденных от фашистов территориях Западной Украины активизировали свою подрывную деятельность бандформирования ОУН-УПА, поэтому отдельной стрелковой бригаде ВВ НКВД, в составе которой находился 237-ой ОСБ ВВ НКВД, было приказано передислоцироваться из города Дорохой (Румыния) в Станиславскую область (ныне Ивано-Франковскую) для выполнения оперативного задания по борьбе с бандеровским националистическим подпольем. Основной задачей частей и соединений НКВД и НКГБ явля-

лась ликвидация первых лиц областных, надрайонных и районных Проводов ОУН, командиров УПА<sup>2</sup>, уничтожение боевых групп и службы безопасности ОУН.

Весной 1944 г. 23-я стрелковая бригада ВВ НКВД в полном составе (2958 чел.) была переброшена на территорию Западной Украины с Северного Кавказа для борьбы с бандеровским подпольем. А с августа 1944 г. по август 1945 г. батальон, а в его составе и минометная рота, участвовали в чекистско-войсковых операциях по борьбе с бандами ОУН-УПА в Черновицкой, Станиславской, Тернопольской областях. На тот период в Черновицкой области действовали 192-й отдельный стрелковый батальон 19-й стрелковой бригады, 237-й и 240-й отдельные батальоны 23-ей стрелковой бригады внутренних войск НКВД. В боях с бандеровщиной Демин Н. П. был ранен второй раз.

10 мая 1945 г. ефрейтор Демин Н. П. откомандирован на учебу в Саратовское военное училище войск НКВД СССР. В числе лучших курсантов отобран для подготовки к историческому параду Победы на Красной площади г. Москва. 24 июня 1945 г. Демин Н. П. в составе сводного полка Московского пограничного училища участвовал в нем и в правительственном приеме командующих фронтов и других участников Парада, в составе почетного караула был часовым у полкового пограничного Боевого знамени училища, которое он внес в зал приема вместе с другими Боевыми знаменами.

После парада оставлен для продолжения обучения в Московском военном училище войск НКВД (позже – Московское высшее пограничное командное ордена Октябрьской Революции Краснознаменное училище КГБ СССР им. Моссовета, ныне – Московский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации), которое успешно окончил в 1947 г.

После окончания училища Николай Петрович Дёмин получил назначение в контрольно-пропускной пункт «Львов-аэропорт» Украинского пограничного округа, а в апреле 1950 г. убыл к новому месту службы в контрольно – пропускной пункт «Ленинакан» Армянского пограничного округа<sup>3</sup>.

В 1951 г. поступил на заочное отделение юридического факультета Львовского университета, и в связи с изменением места службы перевелся в Ереванский государственный университет, по окончании 2-го курса которого командование округа рекомендовало Демину Н. П. для внеконкурсного зачисления в Ордена Ленина Краснознаменный военный институт МВД СССР (г. Москва) (позже – Военный институт КГБ при Совете Министров СССР, ныне – Пограничная Академия ФСБ России).

После окончания военного института Демин Н. П. направлен для прохождения службы офицером службы кпп в Прибалтийский пограничный округ (кпп «Лиепай», «Вентспилс»). Учитывая большой фронтовой и служебный опыт, в августе 1958 г. командование пограничных войск предложило Демину Н. П. перейти на преподавательскую работу (кафедра службы и тактики пограничных войск) в Калининградское Пограничное Военное Училище (КПВУ) МВД-КГБ СССР (до 2 апреля 1957 года – МВД СССР, а затем КГБ при Совете Министров СССР), г. Багратионовск, Калининградской области.

В августе 1961 г. последовало новое назначение – офицером по службе кпп, затем – начальником контрольно-пропускного пункта «Туапсе» Новороссийского пограничного отряда, а с августа 1969 г – заместителем начальника кпп «Новороссийск».

---

<sup>2</sup> Здесь и далее – Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г. деятельность Украинской организации «Украинская повстанческая армия» (УПА) запрещена на территории РФ.

<sup>3</sup> 22 января 1960 года Армянский пограничный округ был реформирован в Оперативную группу пограничных войск по Армянской ССР. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 марта 1963 года произошла очередная реформа пограничных войск КГБ СССР, в ходе которой на основе бывшего Армянского, Азербайджанского, Грузинского пограничных округов а также частей Черноморского пограничного округа дислоцированных на черноморском побережье РСФСР, был заново воссоздан Закавказский пограничный округ.

В декабре 1971 года подполковник Демин Н. П. по выслуге лет и состоянию здоровья уволен в запас ВС, посвятив службе на границе более 30 лет своей жизни.

За добросовестное исполнение воинского долга Демин Н. П. награжден орденом Отечественной войны 2 степени, 17 государственными наградами.

Но и после увольнения в запас Демин Н. П. не расстался с границей и поступил на работу в Новороссийскую таможенную службу. Более 13 лет трудился инспектором оперативного отдела, штатным начальником штаба Гражданской обороны, инспектором отдела кадров. За долголетний и добросовестный труд награжден медалью «Ветеран труда».

С 1984 по 1988 г. Демин Н. П. – заместитель председателя Новороссийского городского совета ДОСААФ. Все эти годы Демин Н. П. активно участвовал в военно-патриотической работе, выступал перед учащимися школ, техникумов, ПТУ, воинами Вооруженных Сил и пограничных войск.

Умер 14 февраля 1989 года.

Похоронен в г. Новороссийске.



## І. Дорога

...На западе уже тридцать минут шла война.

Пограничные заставы вступили в свой неравный бой с отборными дивизиями вермахта.

В сложнейших условиях, ограниченными силами наши бойцы, действуя в полном окружении, обороняли занимаемые ими участки границы, насмерть сражаясь с зарвавшимся противником, силы которого превосходили по численности наши небольшие гарнизоны в десятки, сотни раз...

Уже с первых минут боев на всем протяжении линии государственной границы СССР стало ясно: это – не вооруженная провокация, как подумали вначале пограничники, а самая настоящая война, развязанная грубо, подло и коварно.

Армада живой силы, техники, сметающая все на своем пути подобно девятому валу, катилась по нашей земле, расточая огонь, сея смерть, разрушения, горе и страдания.

Но, как писали в то время советские газеты, «воины в зеленых фуражках с их мужеством, стойкостью, отвагой и несгибаемой волей стали тем неприступным утесом, о который разбились первые волны бушующей стихии войны. Брызнула кровь, обагрив обильно родную землю. Пали первые богатыри, но на их место вставали все новые и новые герои, словно вырастая из недр Земли – матушки».

Более точного сравнения придумать было нельзя.

Приняв на себя первый удар бронированного кулака фашистов, пограничники не только выстояли эти трудные полчаса, которые отводило германское военное командование на уничтожение пограничных застав, но и продолжали держать круговую оборону на всем протяжении линии государственной границы в течение нескольких часов, а на отдельных участках – суток.

Противник нес большие потери, вынужден был обходить пограничные заставы с флангов, двигаться вперед, но так и не сумев сломить сопротивление небольших по численности, но стоявших насмерть гарнизонов, – наследников славы и хранителей традиций бойцов богатырских застав и сторожевых отрядов земли русской.



...На западе уже тридцать минут шла война, а здесь, в далекой деревушке Балахониха, Чернухинского района, Селякинского сельсовета, Горьковской области, как впрочем, и на всей территории Советского Союза, этого пока не знали.

Наступало очередное «мирное» воскресное утро – 22 июня 1941 года...

– Вставай, Коленка! Пора! – мать ласково потрепала меня по плечу. – Слышь, вон стадо уж гонят!

С трудом разомкнув отяжелевшие веки – результат позднего возвращения домой с гулянья, я через силу открыл глаза и посмотрел в окно.

На улице было еще темно. С момента нашего расставания с друзьями прошло немногим больше двух часов. Так что в данном случае уместно было бы сказать, что я вернулся домой не поздно ночью, а рано утром.

«Эх, поспать бы еще часок! – сладко потягиваясь, подумал я.

Но... мечтать не вредно. Сам же предложил ребятам поработать на строительстве автодороги в выходной день – сроки поджимали.

Дорога эта была нужна жителям нашего района как воздух.

Замкнув в асфальтированное кольцо города Горький, Арзамас, Кулебаки, она должна была связать областную и районные центры, приблизить жителей многих десятков сел и деревень периферии к городам. А связь Центра с окраинами для сельского жителя – первое дело!

Строили мы ее собственными силами. Молодые селяне собирались в бригады и уходили за несколько десятков километров от дома, имея при себе нехитрый инструмент: лопаты, носилки, да кирку – одну на десять человек.

Каждой бригаде был «нарезан» свой участок, который она должна была сдать к определенному сроку. А сроки были по – военному очень жесткими.

Чего греха таить, не только стремление сдать автодорогу в эксплуатацию двигало нами. Немаловажным для многих из нас был и финансовый фактор.

Чтобы поправить тяжелое материальное положение семей, мы в поисках лишнего рубля отправлялись на заработки.

Платили на строительстве автодороги по тем временам неплохо, а если учесть, что в большинстве семей было пятеро-шестеро и более детей, и иного способа заработать деньги в деревне не было, стоило ли говорить о том, приходилось ли нам выбирать?

Наша семья тоже не являлась исключением. Перед войной в ней было шестеро детей. Мне, самому старшему, 9 мая 1941 года исполнилось семнадцать, а самой младшенькой шел только пятый годик.

Конечно, отцу одному было тяжело прокормить столько ртов и тянуть на себе весь этот «воз», поэтому однажды на семейном совете было решено: для того, чтобы «поднять всех детей на ноги», мне надо идти на заработки.

Оставив третий курс Арзамасского путейско-строительного техникума<sup>4</sup>, переведенного в 1936 году в наш районный центр из Горького, я вернулся домой. А мне так хотелось учиться!

Но судьба распорядилась иначе – в семье не доставало одной пары рабочих рук.

Надо сказать, что тягу к учебе во мне открыл мой школьный учитель Герасим Иванович Куликов, который в те годы был директором Балахонинской семилетней школы.

Учиться в школе я из-за болезни начал позже своих сверстников на год, поэтому, когда мои друзья полностью освоили азбуку, умели читать и писать, я только-только начал постигать азы школьной программы первого класса.

Но это вовсе не означало, что я терял время даром. В 6 лет я самостоятельно научился читать и писать, поэтому на уроках мне было скучно. Те задания, которые давались моим одноклассникам – семилеткам, я выполнял без особого труда, быстро и правильно. И уже через полгода досрочно был переведен во второй класс, догнав таким образом своих сверстников.

Впрочем, понятие «переведен» – чисто условное. Проще было сказать – пересажен с одного ряда парт на другой.

В тридцатые годы в сельских школах не хватало учителей, поэтому в одном помещении приходилось заниматься двум, а иногда и трем классам одновременно. Все зависело от коли-

---

<sup>4</sup> 5 ноября 1939 г. на базе Сызранской технической школы железной дороги им. В. В. Куйбышева и Арзамасского путейско-строительного техникума образован Сызранский техникум железнодорожного транспорта, который в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 августа 1954 г. №1723 переименован в Сызранский техникум Министерства транспортного строительства. ныне – Федеральное государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Сызранский политехнический техникум».

чества учеников в классе. И получалось так, что, к примеру, в одном классе шел урок математики, а в другом – русского языка или один и тот же урок, но в разных классах. Бывало и такое, что в классе в общей сложности сидели 8—10 человек.

Но такая картина наблюдалась только в начальных классах, в старших – уроки шли как положено и никакого совмещения занятий не допускалось.

Поначалу мне часто «доставалось» от учителя за то, что я не работал на уроках, хотя все было совершенно не так.

Конечно, на первый взгляд можно было сделать такой вывод. Представьте себе такую картину: сидит в классе со скучающим видом ученик, который постоянно глазеет в окно. Естественно, это вызывало у учителя чувство раздражения: мало того, что первоклашка сам не работает на уроках, да к тому же и отвлекает посторонними разговорами сидящего рядом товарища по парте.

Учитель несколько раз пытался поймать меня на «месте преступления» и уличить в недобросовестном отношении к урокам. Они проверив мои тетради, с изумлением только разводил руками – все задания были выполнены безукоризненно. Но больше всего его поразило то, что задания выполнены не только за первый, но и за второй класс.

Вот почему однажды учителю пришлось поставить перед директором школы вопрос о моем переводе во второй класс. Герасим Иванович устроил мне настоящий экзамен по всем предметам, изучаемым в 1 классе, который я выдержал успешно.

В 1938 году я закончил семь классов. По тем временам в селе этого образования было вполне достаточно, чтобы работать в колхозе, скажем, счетоводом. Конечно не сразу, а после стажировки и под непосредственным контролем взрослых. Семилетнее образование было далеко не у каждого, у большинства – только 4 класса.

Я твердо решил не останавливаться на достигнутом, а идти учиться дальше и поступил в только что открывшийся Арзамасский путейско-строительный техникум. Моя будущая специальность – техник путей железнодородного транспорта была очень востребована в то время. В будущем планировалось обучение новой специальности – «Строительство автомобильных дорог». Мне так хотелось поступить на отделение «Тяговое хозяйство», но там был очень большой конкурс!

Конечно, с моим уходом семья теряла пару рабочих рук. Тем более, что я был самым старшим из детей, следовательно, я и должен был стать первым помощником моему отцу. Работающий человек на селе ценился выше, чем «образованный».

И хотя отец был решительно против моего ухода из семьи, мне всё же удалось уговорить его отпустить меня на учебу. Главным моим аргументом было то, что подрастал мой брат Валентин, который в будущем должен был заменить меня в доме в качестве отцовского помощника. Ему было двенадцать. Тем более что у него не было такого желания учиться как у меня. Так я был отпущен «на все четыре стороны», хоть и с вынужденным, но все, же с родительским благословением.

Я впервые оказался в районном центре. На человека, прожившего долгие годы в деревне, городская обстановка действовала ошеломляюще.

Но, как, ни странно, мне показалось, будто бы я бывал здесь раньше. Отец по несколько раз в месяц выезжал по делам в Арзамас, а по возвращении рассказывал нам о нем, и теперь, увидев город своими глазами, я вдруг убедился, что он был именно таким, каким я его себе представлял по описаниям отца.

Арзамас – старинный город. Он имеет богатое прошлое.

Возник городок в 1578 году. С 1779 года – уездный город. В 1802 – 1862 гг. здесь существовала первая в России провинциальная школа живописи.

В 1901 г. сюда был сослан М. Горький. Арзамасский быт он отразил в повести «Городок Окуров».

Арзамас – родина Аркадия Петровича Голикова (литературный псевдоним – Гайдар) – русского советского детского писателя<sup>5</sup> и киносценариста, журналиста, военного корреспондента, участника Гражданской<sup>6</sup> и Великой Отечественной<sup>7</sup> войн. Здесь он провел детские годы.

Учеба в техникуме мне давалась легко, хотя в материальном отношении становилось все труднее и труднее. Отец в письмах все чаще писал, что ему прокормить столько ртов становится не под силу. Давал о себе знать и неурожайный год.

Почти всю свою стипендию я вынужден был отсылать домой, оставляя себе немного на карманные расходы. Но этих денег было явно недостаточно, чтобы свести концы с концами. Подрастали мои братья и сестры, которых надо было накормить, во что-то одеть, обуть. Поэтому весной 1941 года я был вынужден уйти с третьего (!) курса техникума и устроиться разнорабочим на строительстве автодорожной магистрали Горький – Арзамас – Кулебаки – Муром.

Именно это обстоятельство и заставляло меня теперь ежедневно вставать чуть свет и вместе со всеми моими сверстниками отправляться на работу за 30—40 километров от дома.

– Ну, что, встал? – с порога спросила меня мама.

Она уже всю возилась с чугунками у печи, ставила самовар, и по растекающемуся по всему дому хлебному запаху можно было безошибочно определить, что на столе скоро появятся ее наивкуснейшие, наизнаменнейшие блины.

Я с детства запомнил ее шутовское выражение: «Сегодня – кое-как, а завтра – каша с маслом».

Поначалу я не задумывался над ее словами, но став взрослым, понял смысл сказанного: ей всю жизнь приходилось выкручиваться, проявлять хозяйскую смекалку, чтобы накормить нас, если не досыта, то по крайней мере, чтобы мы не жили впроголодь и не заглядывали на чужой кусок хлеба.

Я громыхал в чулане<sup>8</sup> соском умывальника, когда мама накрывала на стол. Умывшись холодной колодезной водой, почувствовал, как свежесть разливается по всему телу. Сонного состояния как не бывало! Можно садиться завтракать.

Посреди стола гордо стоял полутораведерный самовар, рядом – чугунок с картошкой, в тарелках лежали хлеб, масло, блины – по тем временам царский завтрак.

Не успел я поднести кусок ко рту, как дверь с шумом распахнулась, будто кто-то снаружи хотел ее снести с петель, и... на пороге возник мой друг Венька, существо с непредсказуемыми

---

<sup>5</sup> Наиболее известные произведения Аркадия Гайдара: «Р.В.С.» (1925), «Школа» (1930), «Четвёртый блиндаж» (1930), «Дальние страны» (1932), «Военная тайна» (1935), «Голубая чашка» (1936), «Судьба барабанщика» (1938), «Чук и Гек» (1939), «Тимур и его команда» (1940), «Горячий камень» (1941) и др. *Материал из Википедии – свободной энциклопедии.*

<sup>6</sup> В 1918 году (в 14 лет) Аркадий Голиков был принят в коммунистическую партию (РКП (б)) в качестве кандидата. В конце декабря 1918 года был зачислен в Красную армию. В 1919 году обучался на курсах подготовки командного состава в Москве. В конце года получил назначение в действующую армию помощником командира взвода. Участвовал в боях на разных фронтах Гражданской войны, был ранен, контужен. В октябре 1920 года направлен в Москву на курсы командного состава. В феврале 1921 досрочно окончил Высшую стрелковую школу по отделению командиров полков. В начале 1921 года во главе батальона, а затем сводного отряда действовал против двух повстанческих «армий» Антонова в Тамбовской губернии. В марте 1921 вступил в командование 23-м запасным стрелковым полком 2-й запасной стрелковой бригады Орловского военного округа, затем был назначен командиром батальона на фронте. В конце июня 1921 года командующий войсками в Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский подписал приказ о назначении Аркадия Голикова, которому в то время ещё не исполнилось и 18 лет, командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом. *Материал из Википедии – свободной энциклопедии.*

<sup>7</sup> Во время Великой Отечественной войны Аркадий Гайдар находился в Действующей армии, в качестве корреспондента «Комсомольской правды». Написал военные очерки «У переправы», «Мост», «У переднего края», «Ракеты и гранаты». После окружения в сентябре 1941 частей Юго-Западного фронта в районе Умань – Киев Аркадий Петрович Гайдар попал в партизанский отряд Горелова, где был пулемётчиком. 26 октября 1941 года погиб недалеко от села Лепляво Каневского района. *Материал из Википедии – свободной энциклопедии.*

<sup>8</sup> Чулан – чуланец, чуланчик; чуланишка, отгороженная от сеней или комнаты кладовая, особенно для съестного; у крестьян это род клетки, в просторных сенях, где лежит и запасная одежда, а летом спят. *В. Даль Толковый словарь живого великорусского языка*

поступками и поведением – смерч, тайфун. Словом, настоящее стихийное бедствие для окружающих, от которого никуда невозможно было скрыться.

– Ты, что, соня, только завтракать сел? – буквально закричал он.

Вот так, ни «Здравствуйте, тетя Аня», ни «Привет, друг».

Мое умиротворенное выражение лица повергло его в такой ужас, что мне стало не по себе. Я даже на какое-то время почувствовал себя виноватым.

– Ребята уже пошли, а он только за стол садится! Нет, вы только посмотрите на него! Каков! Ну-ка, живо собирайся!

– Да погоди ты тарыхтеть! Дай человеку поесть! – я понемногу стал отходить от шокового состояния, в какое поверг меня Венька. – Хочешь, присаживайся к столу?

Мне хотелось успокоить его и в то же время немного позлить. Но Венька был непреклонен:

– Буду я с тобой тут рассиживать! Пошли! А то опоздаем!

Он, тем не менее, подошел к столу, взял «по-свойски» кусок хлеба, другой пятерней сгреб несколько картофелин, опустил все это в широченные карманы брюк, потом ополовинил тарелку с блинами и скомандовал:

– Догоняй!

Я только раскрыл рот от такого нахальства и самоуправства.

Стало ясно: завтракать мне сегодня не придется.

В этом он был весь – неугомонный, невозмутимый, неунывающий Венька – мой закадычный друг. Именно поэтому я никогда на него не обижался, потому что знал, что в нем нет ни капельки, даже капелюшечки злобы, хитрости, жадности. Он ради друга готов был отдать последнее. Именно поэтому я прощал ему все его «прегрешения».

– А кушать-то? – всплеснула только руками нам вслед выглянувшая из-за кухонной занавески мама.

– Ой! Здравсте, тетя Ань! – обернулся на ходу Венька. – Я Вас не заметил! Спасибо! Некогда нам! Спешим!

– Ну погодите, я вам хоть с собой соберу.

Я ухмыльнулся: «Он уже все собрал!»

Завязав в узелок оставшуюся картошку, блины, несколько луковиц, хлеб, она украдкой от отца (моим братьям было три года и пятнадцать лет соответственно, а сестрам – 9 месяцев, 4,5 года и 8 лет, и они нуждались в молоке куда больше, чем я) сунула мне в карман еще и бутылку молока.

Удивительной женщиной была моя мама. За всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы она повысила на кого –нибудь голос. Она-то и сердиться не умела. Для каждого из нас в ее сердце находилось столько теплоты и ласки, что никто не вправе был обижаться на нее за что-либо. Никто из детей не был обделен ее любовью и нежностью. Наоборот, каждый из нас думал, что именно его мама любит больше всех.

Всем нам, а потом и всем своим внукам она придумывала ласкательно-уменьшительные прозвища: «Сахарный», «Золотяк», «Лисичка», «Медовый» и пр., которых мы стеснялись в детстве, но с теплотой, благодарностью и ностальгией вспоминали о них в зрелые годы.

Отправляя меня на работу, мама знала, что мне придется растянуть свой нехитрый завтрак на целый день, поэтому она и дала мне еще в придачу эту бутылку молока – я для нее оставался ребенком. Взрослым, но ребенком. Ее ребенком. Поэтому она отдала его мне, тем самым проявляя ко мне величайшую материнскую жалость и сострадание – меня ждал тяжелый физический труд.

Пока шли по селу, Венька мне все уши «прожужжал» – всё «воспитывал».

Он был старше меня всего на два месяца, но тем не менее, это обстоятельство, по его мнению, «давало ему право» командовать мною, поэтому при каждом удобном случае он старался подчеркнуть свое «старшинство». Вот и сейчас беспрестанно бубнил:

– Завтра ждать не буду! Каждый день одно и то же! Спишь много, сурок!

Я знал, что сейчас с ним спорить бесполезно. Пусть выговорится. Это ему заменяло утреннюю эмоциональную зарядку. Или, наоборот, разрядку? Кто его знает? Но только после нее у моего друга повышалось настроение, он начинал шутить, петь. А что такое шутка в пути? От нее и дорога становилась короче, и идти легче.

Ребят мы догнали почти на выходе из деревни. Девчата уже запели песню, которую разносил по округе легкий летний ветерок. Около девяти часов утра мы были уже в селе Михайловка.

С самого начала строительства, как я уже говорил, мы разбились на группы-бригады. В нашей, кроме всех прочих ребят, были мои двоюродные братья – Виктор Дёмин и Виктор Статейкин.

Работали мы ударно, за что нас часто премировали: то куском сала, то отрезом материи или пшеницей.

В бригаде с первого дня организовали социалистическое соревнование, которое в ту пору формальным назвать никак было нельзя, потому что оно проходило живо, активно и без всякой заорганизованности. А главное, инициатива исходила именно от нас, а не от руководства стройки.

Если вспомнить, какое это было время – бушующее, зажигательное, то можно представить, как нам хотелось тогда подражать героям труда, инициаторам соревнования, застрельщикам всего нового, передового в стране.

Перед войной особенно большое развитие получило стахановское движение – этот массовый почин новаторов производства. В него включились передовые рабочие, колхозники, инженерно-технические работники. Главной его целью являлось повышение производительности труда на базе освоения новой техники.

Возникло оно как новый этап социалистического соревнования. Большинство стахановцев вышли из числа ударников. Но, если главным принципом ударничества было «перевыполнение производственной нормы путем интенсификации труда и внедрения простейших элементов его научной организации», то стахановское движение предполагало освоение новой техники, ее изучение и максимальное использование в труде».

В декабре 1935 года даже состоялся специальный Пленум ЦК ВКП (б), на котором обсуждались вопросы развития промышленности и транспорта в связи со стахановским движением.

В резолюции Пленума подчеркивалось: «Стахановское движение означает организацию труда по-новому, рационализацию технологических процессов, правильное разделение труда в производстве, освобождение квалифицированных рабочих от второстепенной, подготовительной работы, лучшую организацию рабочего места, обеспечение быстрого роста производительности труда, обеспечение роста заработной платы рабочих и служащих...»

Когда проходил Пленум, мне было всего 11 лет, но я хорошо помню, какая развернулась работа по реализации его решений в последующие годы. У нас в техникуме ни одно собрание не обходилось без призыва работать и учиться по-стахановски.

В соответствии с их решениями была организована широкая сеть производственно-технического обучения: для передовиков создавались курсы мастеров социалистического труда; проводились стахановские пятидневки, декады, месячники; создавались стахановские бригады, участки, цеха.

Кое-что из этого опыта решили применить на строительстве автодороги и мы.

Конечно, назвать свою бригаду стахановской было бы слишком громко, но некоторые элементы стахановского движения мы все же постарались использовать.

Например, взяли на вооружение такие его методы, как совмещение профессий, освоение смежных специальностей, скоростную технологию строительства.

Рождались и развивались почины «двухсотников» – две и более нормы за день. Многие из нас стремились к тому, чтобы их называли «двухсотниками». Но без знаний, прочных навыков, конечно, передовиком не станешь. Поэтому меня все чаще донимали ребята с распротами:

– Послушай, Николай, ты почти дипломированный специалист. Предложи что-нибудь дельное! Наверняка, знаешь, как можно повысить выработку?

– Во-первых, я учился не в автодорожном, а в путейско-строительном техникуме, – пытался отговориться я. – Во-вторых, я – несостоявшийся специалист. И в-третьих...

Мне не дали договорить:

– Ладно, не скромничай, путейско- или авто – не в этом суть, насколько мы понимаем, строят везде одинаково.

Что тут говорить? Для них все едино. В их понятии дорога, неважно, какая она – шоссе-ная или железнодорожное полотно – она и есть дорога, в самом широком смысле. И для того, чтобы переубедить моих друзей, мне следовало бы вначале прочесть им краткий вводный курс лекций по теории и технологии строительства путей, но мы обошли без этого «ликбеза». Тем более что ни времени, ни желания этого делать у меня не было.

И все-таки в чем-то они были правы.

Технология строительства «подушки» для автодороги и железной дороги, действительно, отдаленно, но были похожи. Правда, сходство было мизерным, но было.

И, если вспомнить то, чему меня научили за три года в техникуме, то можно было извлечь из этого пользу.

Основными видами работ при строительстве железной дороги, как известно, являются: возведение земляного полотна и искусственных сооружений, укладка путей. Такое же земляное полотно устраивают строители и при прокладке автодороги. Пожалуй, в этом и заключается главное сходство. Далее технологии расходятся.

На лекциях и практических занятиях в техникуме нам часто повторяли, что наиболее прогрессивным методом дорожно-строительных работ является поточный, при котором все работы на отдельных участках одинаковой длины ведутся специализированными отрядами, бригадами, движущимися вдоль полотна – одна за другой в определенной последовательности. Длина участка в этом случае колеблется от 200 до 600 метров.

– А что, если этот метод взять на вооружение и нам? – предложил я ребятам. – Но, при условии, что мы не будем вводить узкой специализации, и подготовительные работы – очистку будущей трассы от леса, кустарника, камней будем делать сообща, как наиболее трудоемкий и длительный процесс, а далее начнется вся «специализация». Но опять же, при условии, что все работы будем проводить по очереди: сегодня одна группа идет впереди, завтра – вторая, за ней – третья. Как у лыжников – лидер будет постоянно меняться, так как впереди идущему достанется наиболее трудный участок. Вот и все. Ну, как?

– Как все гениальное просто! – театрально воскликнул Виктор Статейкин. – Слушай, тебе не лопатой работать надо, а головой. Она у тебя «варит»!

– Все, с завтрашнего дня и начнем. Пока наш план «обкатается», глядишь, там и вырвем несколько дней в запас.

Но никто из нас не знал, что не завтра, а уже сегодня, 22 июня 1941 года нам так и не удастся претворить намеченное в жизнь...



## II. Война

...22 июня 1941г. на строительстве автодороги проводился всеобщий воскресник.

Стоял ясный, безоблачный день. Мы работали на участке дороги от села Рождественский Майдан до села Мотовилово, протяженностью 17 км. Делали просеку: валили лес, корчевали пни, делали насыпь. Маршрут проходил через Волчиху, Волчихинский Майдан, Криушу<sup>9</sup> Ломовского сельсовета.

Только что закончился небольшой перекур, во время которого мы постановили: оставшуюся часть рабочего времени посвятить приготовлениям к осуществлению завтрашних планов.

До 1921 года село Мотовилово было одним из 21 волостного центра, входившего в состав Арзамасского уезда. В Мотовиловской волости числились следующие села и деревни: Вторусское, Криуша, Волчиха, Волчихинский Майдан, Пологовка, Михайловка, Ломовка, Верижки. В 1921 году Мотовилово было передано Чернухинской волости.

Ребята уже начали расходиться по своим рабочим местам, как один из нас заметил, что со стороны Михайловки показался человек. Он двигался в нашу сторону. Шел быстро, размашисто работал руками. Глядя на его походку, мы безошибочно определили: человек очень спешит – он то и дело переходил с шага на бег и наоборот.

Кто-то даже пошутил:

– Не успели один перекур закончить, видно, второй намечается. Наверное, будут собирать всех в правление, итоги за неделю подводить!

Поэтому мы не удивились и восприняли как должное, когда прибежавший человек скороговоркой, еще не отдышавшись от бега, выпалил:

– Егор Иванович... велел передать: «Всем срочно прийти в правление... Будет передаваться важное правительственное сообщение!»

– Ну, что я говорил? – раздался радостный голос того – же парня-«прорицателя». – Эх, пропали наши две нормы!

– погоди, здесь что-то не так! – строго оборвал его Виктор Статейкин. – Ты слышал, что он сказал? Будет передаваться важное правительственное сообщение. Нет, что-то серьезное случилось! Айда, ребята!

Заинтригованные и взволнованные неожиданным известием, мы поспешили в село. Мы тогда даже представить себе не могли, что случилось самое страшное. То, что и выговорить без ужаса и содрогания нельзя – началась ВОЙНА!

Страшным ревом самолетов, свистом пуль, разрывами мин, бомб и снарядов ворвалась она в нашу мирную жизнь.

Известие настолько ошеломило нас, что мы в тот момент словно окаменели, не могли произнести ни слова. Наши языки отказывались повиноваться нам, в горле словно застрял какой-то ком.

В двенадцать часов дня все сельчане и мы, строители автодороги, стояли возле крыльца здания сельского совета.

Голос Председателя Совета народных Комиссаров, наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова звучал из репродуктора-«тарелки» торжественно и скорбно:

---

<sup>9</sup> Сегодня через Криушу, Волчихинский и Рождественский Майдан проходит трасса Р158 – автомобильная дорога федерального значения Нижний Новгород – Арзамас – Саранск – Исса – Пенза – Саратов. Строительство автомобильной дороги Нижний Новгород-Саратов началось в 1934 г. В 1969—1973 годах произведена реконструкция дороги с уширением проезжей части до 7 м, с укладкой асфальтобетона и полной заменой деревянных искусственных сооружений на железобетонные. В последующие годы производилось уширение проезжей части на некоторых участках до 10 м и улучшение плана и продольного профиля автодороги. *Материал из Википедии – свободной энциклопедии*

– Сегодня, в 4 часа, без объявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападавшим, зазнавшимся врагом.

В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху.

То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Стоит ли говорить о том, с какими мыслями мы слушали это сообщение? С тревогой за судьбу Родины, за свои семьи. Вмиг все нарушилось – наши планы, да и сама жизнь.

Мы внимали каждому сказанному слову. До последнего момента не верилось, что ЭТО когда-то произойдет. Может быть, враг опять проверяет крепость наших границ, как это было в 1938 году у озера Хасан и на реке Халхин-Гол?

Но, даже если это и война, то все равно, твердо были уверены мы, она закончится победой Красной Армии и советского народа. Мы знали одно: победа, действительно, будет за нами, и враг непременно будет разбит!

Но никто из нас тогда не знал, что только через долгие 1 418 дней и ночей Победа придет на нашу землю и достанется нам более чем дорогой ценой – ценой жизнью десятков миллионов людей.

Мы не могли поверить, что война все-таки началась. После заключения советско-германского пакта о ненападении нам разъяснялась «важность установления дружественных отношений между СССР и Германией».

31 августа 1939 года на заседании Верховного Совета страны, на котором был ратифицирован советско-германский договор о ненападении, В. Молотов заявил: «Договор о ненападении является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы. Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами...»<sup>10</sup>

Мы верили подобным заявлениям руководителей партии и государства, потому что несколько не сомневались в их искренности, а тем более в достоверности данных. Верили, что войны не будет. Верили вплоть до самого дня ее начала. А когда она все-таки была развязана фашистами, продолжали верить в то, что она будет скоротечной, а победа – скорой.

Небезызвестное сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года, ровно за неделю до начала войны, гласило: «... по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско – германского пакта о ненападении».<sup>11</sup>

---

<sup>10</sup> *Источник: Военно-исторический журнал. Орган Народного комиссариата обороны Союза ССР. №2, сентябрь, 1939.*

<sup>11</sup> *Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.: «Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о „близости войны между СССР и Германией“. По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны. ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР,*

Это сообщение, на мой взгляд, нанесло определенный вред стране, усыпило бдительность сотен миллионов советских людей, армии, а лозунг «Не дать застигнуть себя врасплох!», выдвинутый самим И. Сталиным, так и остался пустым лозунгом. Об этом открыто было сказано не сразу, потому что люди знали, что бывает за подобные заявления, а спустя много десятилетий после окончания той самой войны, на алтарь Победы которой были положены людские жизни и судьбы миллионов людей.

...Выслушав сообщение, мы долго не могли проронить ни слова. Настолько оно потрясло нас.

Первым нарушил тишину Егор Иванович Демин:

– Собирайся в обратный путь хлопцы! Раз такое дело, дорога может подождать, а Родина – нет! Надобно на войну собираться!

Не мешкая ни минуты, мы двинулись в обратный путь.

К тому времени в районном центре, в селе Чернуха был уже развернут призывной пункт военкомата. Со всех сторон к нему начали стекаться людские потоки.

Прямо во дворе сельсовета, за столом сидел военный с одной «шпалой» в петлице. Выкрикивая по списку фамилии призывников, он объявлял, кто к какой команде приписан.

Когда мы с Виктором Деминым и Виктором Букиным тоже решили попытать счастья и подошли к столу, капитан подозрительно посмотрел на меня и спросил:

– Фамилия?

Я назвал:

– Дёмин.

Капитан повел пальцем сверху вниз по длинному списку. Не найдя в нем моей фамилии, вновь посмотрел на меня оценивающе. Вероятно, ему не понравился мой маленький рост. Я, действительно, среди своих сверстников был одним из маленьких.

– Зовут как?

– Николай.

Офицер вновь проверил список. Опять ничего.

– Хм, странно, нет такого. Ты какого года рождения, сынок?

– Одна тысяча девятьсот двадцать третьего, – не моргнув глазом, соврал я.

Наконец, после долгих поисков, приведших капитана в состояние полной растерянности, он вдруг все понял:

– Слушай, парень, не темни, признавайся, в каком году ты родился. Только правду говори. Видишь, нет тебя в списках?

Брови его сдвинулись к самой переносице. Взгляд стал строгим и неумолимым.

Мне ничего не оставалось делать, как промямлить:

– ... В двадцать четвертом...

И тут его «взорвало» по-настоящему:

– Что же ты мне голову морочишь, растудыть твою туды?! А? Я здесь серьезным делом занимаюсь, а он решил со мной в шутки играть? Я вот сейчас вызову отца с матерью, чтобы они

---

*Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо». АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Лл. 177—178. Опубликовано: Известия. 14 июня 1941 г.*

тебе всыпали куда следует. А ну, марш отсюда! И чтобы я тебя близко с военкоматом не видел! Понял? Следующий!

Я молча отошел от стола. Следующим за мной в очереди стоял мой двоюродный брат Виктор Букин.

Судя по грозному рыку капитана: «Что, еще один?! И откуда вы взяли на мою голову?!» я понял, что Виктора постигла точно такая же участь как и меня.

Разговор с ним был более короче, чем со мной:

– Год рождения!

– Двадцать третий, – настаивал на своем мой брат.

– Вон отсюда, молокосос!

Что было дальше, я уже рассказал. Если бы Виктор вовремя не ретировался, военком бы выполнил все свои угрозы в отношении нас.

Родителям, конечно, мы ничего об этом не сказали – они и без того переживали за нас. А если бы узнали о нашей затее, досталось бы нам от них наверняка.

Через два дня мы провожали на фронт нашего лучшего друга – Виктора Статейкина. Он и еще несколько парней из близлежащих сел направлялись на сборный пункт, откуда им предстояло в эшелоне отправиться на фронт.

Провожали их всем селом. Плач матерей, сестер, невест, смех и песни, переливы и перезвоны балалаек и гармошек – все слилось вместе. И наш негромкий разговор с Виктором утонул в этом шумном гомоне.

Все сознавали, что многим из этих парней, а также взрослым мужчинам, чья жизнь достигла периода зрелости, уже не суждено вернуться назад. Война есть война. Неизвестно только, кого судьба выберет в свои смертельные заложники, на чью семью будет наложена трагическая печать скорби по ближнему?

Матери, сестры, невесты, любимые причитали во весь голос, проклиная Гитлера и всю его «немечину». Другие, чтобы не оплакивать заранее живых, через силу, давя в себе приступ, чтобы хоть как-то заглушить рвущуюся наружу душевную боль, «обмануть» самих себя, пели песни. Пели специально громко, но голос звучал надрывно, грозя каждую секунду сорваться на плач. Звуки вырывались из горла полустоном-полупесней.

Мужчины постарше, те, кто прошел через гражданскую и финскую, сознавали всю трагичность ситуации. И они, нет-нет, да смахивали жесткой ладонью слезу, предательски скатывающуюся по небритому лицу.

И только нам, молодым парням, еще неискушенным в таких делах, думалось иначе – молодые были, горячие.

Мы представляли себе войну именно так, как ее описывали в книгах, газетах, как показывали в кинофильмах: с лихой кавалерийской атакой, стремительным натиском Красной Армии и паническим бегством врага.

Мы переживали, что война может скоро закончиться, и тогда мы не сможем ничем проявить себя. Энергия романтики бурлила в нас, лилась через край.

Мы еще не ощущали так остро беды, как ее ощущали наши отцы, матери, старшие братья и сестры. Мы не знали, как это страшно потерять любимого человека. Мы не чувствовали запаха смерти.

Эта война явилась первым таким серьезным испытанием для людей моего поколения, реальную тяжесть которой мы ощутили значительно позже, когда стали приходиться тревожные сообщения с фронта.

А первые известия все же вселяли в нас надежду, несмотря на их трагичность...

Даже песни, которые мы пели в то время, были пропитаны особым духом оптимизма, патриотизма и непобедимости: «Если враг нашу радость живую отнять захочет в упорном бою...», «Если завтра война...»

И это «завтра» наступило. Война началась...

И вскоре была написана «Священная война», ставшая всенародным гимном, клятвой на верность Родине, торжественной, поэтической «присягой» военного времени. Она зазвучала как набат, призывая каждого отдать все силы, а если понадобится, то и жизнь, на разгром врага.

Через два дня после начала войны, 24 июня 1941 года, одновременно в газетах «Известия» и «Красная звезда» были опубликованы стихи поэта В.И.Лебедева-Кумача «Священная война». Сразу же после публикации композитор А.В.Александров написал к ним музыку. 26 июня 1941 года на Белорусском вокзале одна из не выехавших ещё на фронт групп Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски СССР впервые исполнила эту песню.

Однако эта песня не сразу стала всенародной. Поначалу она считалась излишне трагичной, так как в ней не пелось о скорой победе, а говорилось о тяжелой и долгой битве, а это как раз и противоречило духу оптимизма. Но когда фашисты захватили Калугу, Ржев, Калинин, эта песня с 15 октября 1941 года, стала ежедневно звучать по всесоюзному радио – каждое утро после боя кремлёвских курантов. Так песня приобрела популярность и на фронтах Великой Отечественной войны, поддерживая высокий боевой дух в войсках, и в тылу, заставляя людей, не зная ни сна, ни отдыха, трудиться в поле, у станка, в секретных КБ.

Перед отправкой на фронт, на станции, у вагонов – теплушек, так называемых, «столыпинских» вагонов – короткий митинг. Говорили кратко, деловито:

- Бей фашистских гадов!
- Задушить Гитлера!
- Прогнать зверя с родной земли!

Глядя на стоящих в строю новобранцев, мы завидовали им.

Через несколько минут они поедут на фронт бить врага, а мы останемся здесь и будем ждать свой черед. Только когда он наступит? А может его и не будет вовсе, и к тому времени война закончится? Нет, все равно убежим на фронт. Не можем же мы в такое ответственное для страны время сидеть дома сложа руки?

- По ваго-о-ооо-нам! – протяжно скомандовал начальник эшелона. И строй рассыпался.

Прозвучал прощальный гудок паровоза. Грянул марш «Прощание славянки». Поезд медленно, набирая ход, поплыл навстречу войне...



### III. На трудовом фронте

Никогда в жизни мы так не ждали писем, как с фронта, не изнывали от нетерпения, стоя у «тарелки» -репродуктора в ожидании очередной сводки Совинформбюро.

Голос Юрия Борисовича Левитана стал для нас таким родным и близким, что мы сразу же безошибочно узнавали его по своеобразному тембру:

– От Советского Информбюро...

В первые дни мы сохраняли оптимизм, веру в то, что пройдет несколько дней или недель, и зарвавшийся агрессор будет смят, а затем с треском изгнан из нашей страны. Сводки, поступающие тогда с фронта, поначалу обнадеживали:

**25 июня 1941 года:**

*«Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем».*

*«В районе Скуляны противнику при его попытке наступать, нанесено значительное поражение; его остатки отбрасываются за реку Прут. Захвачены немецкие и румынские пленные».*

**27 июня 1941 года:**

*«Группа наших войск при поддержке речной флотилии форсировала Дунай и захватила выгодные пункты, 510 пленных..., 11 орудий и много снаряжения».*

*«... На всем участке от Перемышля до Черного моря наши войска прочно удерживают гос. границу».*

Вот почему мы были твердо уверены в том, что война скоро закончится. Иначе думать не могли, не имели права...

Таким был настрой многих сотен, тысяч, миллионов людей моего поколения. Формированию общественного мнения во многом способствовали писатели, журналисты, политические деятели.

Вот что, например, писал в 1941 году Алексей Толстой в статье «Что мы защищаем?»: «Фашисты рассчитывали ворваться к нам с танками и бомбардировщиками, как в Польшу, Францию и другие государства, где победа была заранее обеспечена их предварительной подрывной работой.

На границах СССР они ударились о стальную стену и широко брызнула кровь их. Немецкие армии, гонимые в бой каленым железом террора, безумия, встретились с могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков и шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма...

Народ черпал силу в труде, озаренном великой идеей, в горячей вере в счастье, в любви к Родине своей, где сладок дым и сладок хлеб...

*...Иль нам с Европой спорить ново?*

*Иль русский от побед отвык?*

*Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,*

*От финских хладных скал до пламенной Колхиды,*

*От потрясенного Кремля*

*До стен недвижного Китая,*

*Стальной щетиной сверкая,*

*Не встанет русская земля?  
Так высылайте к нам, витши,  
Своих озлобленных сынов:  
Есть место им в полях России,  
Среди нечуждых им гробов.<sup>12</sup>*

В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые години легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день.

Был человек – так себе, потребовали от него быть героем – герой...

А как может быть иначе...?

Писатель, академик, лауреат Государственный премий СССР А. Н. Толстой писал: «В старые времена рекрутского набора забритый мальчишечка гулял три дня – и плясал, и, подперев ладонью щеку, пел жалобные песни, прощался с отцом и матерью, и вот уже другим человеком – суровым, бесстрашным, оберегая честь Отечества своего, шел через альпийские ледники за конем Суворова, уперев штык, отражал под Москвой атаки кирасиров Мюрата, в чистой натальной рубахе стоял – ружье к ноге – под губительными путями Плевны, ожидая приказа идти на неприступные высоты.»

...Затаив дыхание, вслушиваясь в каждое слово, стараясь ничего не пропустить, мы стояли у репродуктора 3 июля 1941 года, когда по радио выступал Председатель Государственного Комитета обороны И. В. Сталин.

Только потом, по прошествии многих десятков лет, анализируя события, мы пришли к выводу, что совсем не случайно руководитель нашего государства лишь спустя две недели обратился к народу с подобным заявлением. Как известно, на это были свои причины. Вот почему у поколения людей фронтовых лет начало войны запомнилось не по выступлению И. Сталина, а Вячеслава Михайловича Молотова и голосом Юрия Левитана.<sup>13</sup>

Вначале в «верхах» недооценивали противника, рассчитывали на скорый успех, ошибочно полагая, что с фашистами можно справиться еще на границе, не допустить продвижения их вперед по русской земле.

Сравнивая первое официальное обращение В. Молотова к народу и июльское – И. Сталина, находишь для себя ответы на заданные вопросы. Именно Сталин дал понять, что война предстоит тяжелая и долгая, что «нужно сделать для того, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили свою работу на новый, на военный лад, не знающий пощады врагу... Войну с Германией нельзя считать обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем, великой войной всего советского народа против немецко – фашистских войск.»

А сообщения Совинформбюро становились все тягостнее и тяжелее:

«23 июня оставлен город Гродно, 27 – Барановичи, 28 июня – фашистами оккупирован Минск, затем Ровно, 30 июня – Львов, 16 июля – Белая Церковь, 19 сентября – Киев...»

Ура – патриотизм понемногу стал уступать место трезвому расчету и реальной оценке событий, были предприняты колоссальные усилия, чтобы наша пропаганда и контрпропаганда наконец – то стала реально освещать ход военных действий.

...Шел 95-й день войны.

---

<sup>12</sup> Стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России». А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 2. Стихотворения 1823—1836. Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 2. Стихотворения 1823—1836. © Электронная публикация – РВБ, 2000—2018. Версия 5.0 от 1 декабря 2016 г.

<sup>13</sup> Долгое время после войны голос Юрия Борисовича Левитана не звучал на радио. Такое решение было принято руководством Советского радио было, так как своеобразный тембр диктора люди запомнили на всю жизнь. Он ассоциировался со словами «...От Советского Информбюро». Слишком много было пережито за это время...

Возле сельсовета в ожидании очередной сводки собрались люди. Обсуждая положение войск с обеих сторон, мужчины, которых в деревне оставалось все меньше и меньше: юноши непризывного возраста, старики, да те, кому по болезни отказали в военкомате в призыве, стояли у старой у старой школьной карты, вывешенной прямо у крыльца и горячо спорили.

Мнения разделились.

«Оптимисты» – те, которые доказывали, что не сегодня – завтра Красная Армия соберет силы для своего мощного удара и опрокинет немца навзничь, обвиняли своих оппонентов – «пессимистов» в «пораженческих» настроениях.

Споры были жаркими:

– Да, мы пока терпим временные неудачи, – констатировали «оптимисты». – Но ведь мы не ждали врага – у нас руки были связаны пактом о ненападении. Как мы могли готовиться к войне? С кем? Ну, скажите, кто мог предположить, что Гитлер вдруг окажется таким подлецом и грубо нарушит все соглашения?

– А Польша? А Испания? А Франция, наконец? – доказывали другие. – Это, что, по-вашему, не доказательство? Это разве не предупреждение всему миру, нам? Хищник он и есть хищник. Сколько волка не корми... К войне надо было готовиться загодя, а мы считали Гитлера своим другом. В задницу его чуть ли не целовали... Тьфу, доцеловались. Прости, меня, Господи.

Неизвестно, до чего дошел бы спор, если бы из репродуктора не зазвучал голос Ю. Левитана.

– Чш-ш-ш! – цыкнули на них сзади из толпы. – Тихо! Начинается!

Мы с Виктором бочком протиснулись к карте. Как не прискорбно было сознавать и смотреть на красные кружки и линии, обозначающие положение наших войск, но они отодвигались все дальше и дальше от границы вглубь страны, неумолимо приближаясь к Москве. Синий пояс, словно кольцо все плотнее и плотнее сжимался вокруг столицы.

Враг уже занял рубеж: Кингисепп – Слуцк – Нежин – Ромны – Миргород – Новомосковск.

От Москвы до Новомосковска – около 30 километров, от Новомосковска до нашей деревни – около 400.

...Осень 1941 года. Враг – у стен Москвы.

В октябре полным ходом шло строительство оборонительного рубежа вокруг Горького.

Согласно плану «Барбаросса», после захвата Москвы фашисты планировали нанести три удара. Один – в полосе Москва – Тула (но Тулу, город русских оружейников, как известно, немцам так и не удалось взять – крепкий был орешек – не по зубам Гитлеру), раздвоив его еще на два: на Горький и на Куйбышев. Второй – по Вологде, третий – по Ростову и Сталинграду.

Горький находился на пути намечаемых действий авиации противника для ударов по промышленным районам Урала. Такова была стратегия Гитлера.

Но советские войска своим мужеством и нестигаемой стойкостью сорвали планы немецко – фашистского командования, остановив его войска у самых стен столицы, а затем, перейдя в решительное контрнаступление, вовсе отбросили их назад. Миф о непобедимости фашистской армии был полностью развеян, но сил у врага было еще очень много, поэтому надо было готовиться к самым кровопролитным и тяжелым сражениям, создавать мощные рубежи укрепления, не дать возможности фашистам оправиться от первого поражения и продвигаться по нашей земле.

Наш участок – молодежной бригады села Балахониха – район села Шониха, что в 40 – 45 км. от Горького. Именно туда мы выехали на строительство рубежей обороны.

К тому времени я уже работал учетчиком в колхозе. Сейчас, пожалуй, редко встретишь такую должность. А тогда была.

В мои обязанности входила проверка качества и учет конечного результата, количества труда, а именно: сколько за день было вспахано, засеяно земли или собрано урожая, скошено травы и т. д.

Работа очень ответственная, поэтому человек, занимающийся подобным делом, должен быть, прежде всего, честным, порядочным и принципиальным.

Скажу прямо, в процессе общения с людьми возникали всякие ситуации.

Бывало, подходил ко мне кто-нибудь из наших ребят и по-свойски начинал упрашивать меня, чтобы я ему «приписал» несколько лишних саженей к выработке.

Ничего не поделаешь, приходилось отказывать даже самым хорошим и близким друзьям, за что они на меня вначале обижались:

– Тоже мне, друг называется! Такую мелочь для друзей сделать не можешь!

– Не «не могу», а не хочу! – отвечал я им. – Думайте что хотите, но делать я этого не стану! Поймите, мы делаем одно общее дело, и, обманывая других, мы обманываем прежде всего себя. От нас требуется конечный результат, и мы должны его дать! Причем фактический, а не фиктивный. Улавливаете разницу между словами? Ничего не напоминает? Фиг, фига! Представьте себе такую картину: пишут нам бойцы письма с фронта и расписывают, сколько десятков фрицев они убили за день. Вы им верите?

– Конечно, чего ж не верить?

– Вот-вот, верите. А они, допустим, на самом деле ни одного фашиста не уложили.

– Как так?

– А вот так! Хвалятся. «Липа» все это.

– Зачем же им врать?

– Чтобы вам пыль в глаза пустить, – решил я им «подыграть». – А теперь ответьте, скоро кончится война при таком положении дел?

– Конечно, не скоро!

– Вот и я об этом вам говорю. Там, на фронте от нас ждут металл, хлеб, уголь, технику, оружие, боеприпасы. Ждут, чтобы бить врага. Чем же они его будут бить, что будут кушать, если мы им вместо всего этого будет «липу» давать? Эту самую фигу им скрутим из трех пальцев? Так, мол и так, товарищ боец, дал я сегодня тебе две нормы. Только где они эти нормы? На бумаге? Им не нужны наши хвастливые отчеты о «не проделанной работе», о «перевыполнении» плана. Им конечный продукт подавай, чтобы было чем бить врага. Понятно?

После такой политбеседы в головах моих сверстников начинали появляться светлые мысли и постепенно обида сменилась уважением ко мне. Ребята стыдливо отводили глаза:

– Ладно, ты это... Забудь все, что мы тут болтали... Не подумали... Мы лучше на самом деле две нормы давать будем!

– А я о чем толкую?

Замечу, никто специально не учил нас быть честными и порядочными – сама жизнь заставляла нас быть таковыми и воспитывала нас. В колхозе каждый человек на виду, авторитет и уважение приходят не сразу. Его надо заслужить. Все это приходит к тем, кто трудится добросовестно, а в годы войны это правило было железным. Сама обстановка была суровой, жесткой, требовательной. Я бы даже сказал жестокой иногда.

И, несмотря на то, что нам приходилось голодать, чтобы дать больше продовольствия человеку в окопах, чтобы воин на передовой ни в чем не испытывал недостатка, мы понимали, что все это делается на благо нашей Победы. Поэтому тот, кто остался в тылу, должен был работать так же самоотверженно, как сражались с врагом наши отцы, братья, товарищи.

В таких сложных условиях и трудилась наша бригада на возведении оборонительного рубежа. Вставали чуть свет, спать ложились затемно. К вечеру не чувствовали под собой ног, руки наливались свинцовой усталостью, ладони горели огнем от кровавых мозолей.

Мы рыли рвы несколько метров глубиной, устанавливали противотанковые «ежи», надолбы. За день так наработаешься киркой да лопатой, что спина не может разогнуться. Но едва наступало время отдыха, как мы стряхивали с себя усталость и под переборы гармошки и переливы балалайки вечером устраивали танцы. Какие «коленца» мы только не выкидывали! И куда девались наши горести и трудности? Или, собираясь вместе на околице, мы, молодежь, пели песни. Словом, умели отдыхать! А в отдыхе черпали силы для нового трудового дня.

А утром все опять начиналось сначала: рвы, окопы, надолбы, «ежи», эскарпы...

...Становилось все холоднее. Надвигалась зима. Колючий, промозглый, холодный осенний дождь и ветер пробирал до костей.

Чтобы поднять настроение, моральный дух работающих на строительстве людей, часто устраивали громкие читки газет.

Или во время обеденного перерыва, небольших перекуров направляли ребят в бригады, и там, на местах зачитывали газетные статьи, сводки Совинформбюро. Это была живая агитационная работа, лишенная какой – либо заорганизованности и фальши. Все было естественно и интересно. Каждый из нас с нетерпением ждал известия с фронта.

На строительстве укреплений мы проработали около двух месяцев.

Однажды наш бригадир и односельчанин Александр Ефимович Пугин собрал нас вместе и сообщил, что ему в скором времени предстоит уходить на фронт. Нас это сильно расстроило, так как он был всеми уважаемый человек, а расставаться с такими людьми всегда тяжело. Особенно, когда предстояла не просто поездка в далекий край, а навстречу смерти.

5 ноября 1941 года мы отправились в обратный путь из Шоники в Балахонику.

В моей душе теплилась надежда, что мне удастся «проскочить» через возрастные барьеры и вместе с Александром Ефимовичем попасть на передовую.

Но, к сожалению, все мои дальнейшие попытки также закончились неудачей.

– Молод еще! – слышал я один и тот же ответ на мои просьбы отправить меня в Действующую Армию. – Жди своего времени!

А вот мой отец ушел на фронт в августе 1941 года.

Однажды я поздно вечером вернулся домой. Родители не заметили, как я зашел в дом. Мама сидела в дальней комнате за столом и тихо плакала. С порога я услышал их разговор:

– Ладно слезы попусту лить! – сердился отец. – Что ты меня заживо хоронишь?!

Меня как громом ударило! Неужели и в наш дом пришла война?! Несмотря на то, что я сам рвался на фронт, мне вдруг впервые по-настоящему стало страшно. А что, если я никогда больше не увижу отца? К тому времени во многие дома успели прийти зловещие похоронки.

– Да как же не плакать? – всхлипывала мама, утирая краем платка слезы. – Что же я одна делать буду?

– Ничего, не пропадете! Николай за старшего остаётся. Валентин на ноги становится. Вместо одного мужика – сразу два будет!

Внешне отцовское лицо было спокойным. Он старался не давать волю своим чувствам и эмоциям, но по дрожанию уголков его рта, который был плотно сжат, чтобы не выдать своего волнения, можно было легко заметить, как ему тяжело.

Услышав скрип половиц, отец обернулся и увидел меня в дверном проеме.

– А! Вот и сын пришел! – как ни в чем не бывало, улыбаясь, обратился он к маме. На его лице появилась натянутая улыбка. – Накрывай, мать, на стол. Ужинать будем.

Мое появление для него в тот момент было как раз кстати – можно было перевести разговор на другую тему:

– Давеча разговаривал с председателем. Он сказал, чтобы ты принимал у меня ключи. Вот так! Так что сдаю тебе должность. Завтра пойдем в правление и решим все формальности.

В январе 1941 года я окончил межрайонные курсы счетных работников, поэтому мне, как говорится, сам Бог велел заниматься этим делом после отца.

Так я «по наследству» стал счетоводом Балахонинского колхоза.

Через месяц мы с Виктором Деминым вновь отправились в райвоенкомат. И вновь – отказ. В этот раз с нами никто даже разговаривать не стал, так как наши физиономии до такой степени там примелькались, что, завидев нас, военкоматские работники скривили улыбки:

– Что, опять на фронт собрались, «герои»? Вам же русским языком сказали – рано!

Раздосадованные неудачей, мы сели на ступеньках военкомата и угрюмо молчали. Злость и обида душили нас, внутри гасла последняя надежда.

И вдруг Виктор вскочил, хлопнул себя ладонью по лбу и радостно воскликнул:

– Есть!

Прозвучало это так, будто на его месте сейчас был сам Архимед, выскочивший голый на улицу с криком: «Эврика» («Нашел»)!

– Что «есть»? – тупо посмотрел я на него, совершенно ничего не понимая.

– Есть способ попасть на фронт!

Я безнадежно махнул рукой:

– Мы с тобой уже всё перепробовали.

Он заговорщически подмигнул мне:

– Всё да не всё! Мы с тобой комсомольцы?

– Комсомольцы, но и что из этого?

– А вот что. Слушай и запоминай. Мы сейчас с тобой идем в Чернухинский райком комсомола и требуем, чтобы нас отправили в Действующую армию по комсомольской путевке. Понял?

Его идея вызвала во мне только смех.

– Ничего не получится! Это тебе – не ДнепрогЭС или Магнитка, куда можно было уехать по комсомольской путевке, а фронт, передовая. Понимаешь ты это, соленая твоя голова? И пока нам с тобой не исполнится по 18 полных лет, мы и думать не можем об этой затее. Хватит, три попытки сделали. Если военком отказал, то секретарь райкома и подавно откажет и отошлет куда –нибудь подальше. Тебе же ясно сказали: «Не-при-зы-вной возраст!» Понял? – по слогам продиктовал я ему последнюю фразу.

– Так ты хочешь на фронт попасть или нет? Только говори честно, – не унимался друг.

– А то ты сам не знаешь! – даже обиделся я на него. – Конечно, хочу. И вообще, не травми душу, и так без тебя тошно.

– Спокойно! Главное – не падать духом! – назидательным тоном произнес Виктор.

На его лице было такое умиротворенное и самодовольное выражение, что нетрудно было догадаться: он сейчас выдаст очередную авантюрную идею, которой очень гордился в тот момент. Виктор был горд тем, что эта мысль пришла в голову первой именно ему, а не мне. Что ж, подумал я, пусть чувствует себя гением. И вообще, кем хочет, тем пусть себя и считает, если ему так хочется.

А его распирало изнутри от желания рассказать все по -порядку.

Не знаю, есть ли чудеса на свете, но из райкома комсомола нас не выгнали. Все произошло иначе.

Утром следующего дня мы стояли перед входной дверью райкома, не решаясь войти. Кроме нас, там таких как и мы, «непризывников», было немало. Были даже такие, кто выглядел значительно моложе нас с Виктором.

Перешагнув порог, мы оказались в самом настоящем «муравейнике». Люди сновали по коридору туда-сюда, заходили и выходили из одних дверей в другие. В коридоре вдоль стен стояли молодые ребята.

Подойдя к двери с табличкой «Приемная комиссия», Виктор ткнул пальцем:

– Здесь!

Мне сразу вспомнились годы учебы в техникуме. Точно так же однажды я уже стоял перед такой дверью, когда сдавал вступительные экзамены. По спине пробежала холодная нервная дрожь.

Виктор осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. А я, приподнявшись на цыпочки, заглянул ему через плечо. Я успел только увидеть, что за столом, накрытым красной скатертью, сидели несколько человек: четверо гражданских, один из которых был секретарь райкома комсомола, и двое военных. Остальных я толком разглядеть не успел.

Все произошло неожиданно. Грозный окрик: «Закройте дверь!» прозвучал как гром среди ясного неба. Мой друг резко хлопнул дверью и с перепугу отскочил назад, едва не сбив меня наземь.

– Видал?

– Видал... – выдал я. – А что там?

– Как что? Видишь, призывная комиссия заседает. Сейчас тот парень выйдет, и мы все у него разузнаем.

Ждать пришлось недолго. Буквально через пять минут из кабинета вышел сияющий от счастья паренек, на вид лет семнадцати. Мы даже не успели задать ему ни одного вопроса, как он нас опередил своим ответом:

– Зачислен в школу связи!

– Счастливчик! Повезло! Молодец! – искренне порадовались за него все, кто стоял у дверей.

И хотя мы его видели впервые, нам тоже было радостно за него. А он продолжал улыбаться:

– Представляете, сколько времени обивал пороги военкомата – и все напрасно. А сегодня все свершилось!

Хлопнув нас от радости по плечам, парень растворился в толпе.

Конечно, было бы наивно полагать, что вот так просто, в обход всех существующих правил и законов здесь, в райкоме комсомола направляют всех желающих на фронт. А объяснялось все элементарно просто: в этот период шло комплектование будущих учебных подразделений, в которых планировалось готовить радистов, санитаров, специалистов подрывного дела, водителей, снайперов и т. д. из числа непризывной молодежи. Пока они проходили обучение на курсах, им исполнялось 18 лет и их направляли в Действующую Армию.

Обстановка на фронтах складывалась напряженная. К осени 1941 года Советским правительством был предпринят ряд чрезвычайных мер, направленных на то, чтобы остановить врага на подступах к столице нашей Родины – городу-герою Москве.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал в своей книге «Воспоминания и размышления»: «С 13 октября (1941 г. – прим. авт.) разгорелись ожесточенные бои на всех главных направлениях, ведущих к Москве. Это были грозные дни... Верховное главнокомандование сконцентрировало в районе Москвы крупные группы истребителей, штурмовой и бомбардировочной авиации... Приближались решающие события. В связи с тем, что оборонительный рубеж Волоколамск – Можайск – Малоярославец – Серпухов занимали наши слабые силы, а местами уже был захвачен противником, Военный совет фронта основным рубежом обороны избрал новую линию – Ново – Завидовский – Клин – Истринское водохранилище – Истра – Красная Пахра – Серпухов – Алексин».

Торжественное заседание, посвященное 24-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, состоявшееся в Москве на станции метро «Маяковская», и парад войск Московского гарнизона на Красной площади, сыграли огромную роль в укреплении морального духа армии, всего нашего народа.

В выступлении И. Сталина звучала уверенность в неизбежном разгроме врага. Но как скоро наступит победа над ним, никто не знал. В мясорубку войны бросались все новые и новые

силы, и каждый из бойцов уходил бой с мыслью о том, что они смогут остановить натиск врага. Но волна за волной уходили на фронт батальоны, полки, дивизии и пропадали там, словно в космической «черной дыре».

...Мы стояли перед дверью, не решаясь войти в комнату. Что нас ожидало за ней? Очередной отказ или ...?

Наконец Виктор набрал полной грудью воздух в легкие, шумно выдохнул и взялся за железную ручку.

– Ну, я пошел!

– Ни пуха...

– Сам знаешь куда идти!

Я, как приклеенный продолжал стоять возле двери. Если моему другу повезет, загадал я, то вероятность того, что и мне не откажут, повысится ровно наполовину. А поэтому не сдвинулся с места до тех пор, пока он не выйдет оттуда.

Время тянулось так медленно, что я уже начал волноваться: что они там с ним делают? Веревки вьют что-ли?

На самом же деле прошло не более пяти-шести минут – разговор был короткий, но для меня они показались вечностью.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге возник сияющий от счастья мой друг.

– Ну, не томи, рассказывай! – торопил я его. – Разрешили?

А он стоял и загадочно улыбался.

Мое терпение подходило к концу.

– Слушай, будешь продолжать молчать, я тебя прямо здесь и побью! Я за него волнуюсь, места себе не нахожу, а он улыбаться, видите ли, изволит! Говори: да или нет?

– Да! – выпалил он. – В бронетанковые и механизированные войска!

– Ух ты, молодец, Витька! – от души поразился и в то же время позавидовал я ему. – А что спрашивали? Тот военный, кто он, откуда?

Если бы кто-то посторонних в тот момент подслушал наш разговор, он, наверное, подумал бы, что здесь идут приемные или выпускные экзамены. Возможно, что это было и так, ведь каждый из нас сдавал свой главный в жизни экзамен на зрелость.

Витька рассмеялся еще больше.

– А ты сам зайди и все узнаешь!

Открыв одной рукой дверь, он другой втолкнул меня внутрь и захлопнул ее за моей спиной, тем самым отрезав все пути к отступлению.

– Здравсте..., – смущенно поздоровался я с порога со всеми присутствующими одновременно.

Я не знал, к кому первому и как следует обратиться, поэтому испуганным взглядом таращил на них глаза. Я не мог сосредоточиться конкретно на ком-либо из комиссии. Единственное, что я сразу заметил, половина людей сидела в военной форме, половина – в гражданских костюмах.

– Слушаем Вас! – медленно и нараспев произнес один из военных.

Его тихий и вкрадчивый голос прозвучал для меня как выстрел. Я вздрогнул.

Постепенно мое дыхание стало ровным, пульс вошел в норму. Я подумал, а вдруг им слышно, как громко бьется мое сердце, и члены комиссии откажут мне? Затем сам же себя успокоил: «Что ты плетешь? Кто может услышать биение твоего сердца? Успокойся!».

– Мы вас слушаем! Говорите! – опять повторил тот же голос.

«Ага, если ко мне первым обратился этот военный, значит он здесь и главный, – подумал я.

Посмотрев на него более внимательно, я раскрыл рот от ужаса. Это был... военный комиссар Чернухинского района.

«Все, мне крышка! – мрачно сделал я для себя вывод.

Внутри меня словно все оборвалось, и теперь все мои внутренние органы словно существовали сами по себе, находясь в безвоздушном пространстве. В животе появилась неприятная пустота.

Такое ощущение у меня бывало не раз, когда мы, мальчишками, на реке Теша, раскачивались на веревке и прыгали затем с «тарзанки» в воду. Несколько сотых долей секунды мы испытывали это незабываемое чувство свободного полета.

«Так вот, о чем предупреждал меня Виктор? Ну, теперь военком точно выставит меня за дверь! – рассуждал я.

Но постепенно трезвые мысли понемногу стали приходить на смену пессимистическому настроению.

«Постой, – осенило меня, – если военком Виктора не выгнал, то с какой стати ему меня надо выгонять? Мы же с моим другом одноклассники.

– Слушаем Вас! – голос военкома стал твердым.

«Чудной, – посмеялся я в душе. – Как будто впервые видит меня. Сколько раз мы с Витькой надоедали ему. А тут, словно мы с ним и незнакомы вовсе».

– Слушаем Вас!

– Я хочу пойти на фронт!

– Сколько Вам лет?

«Да он что, смеется что ли? Сам же прекрасно знает мой возраст с точностью до месяца»

– 17 лет и 6 месяцев.

Цифра не произвела на военкома никакого впечатления. Скорее всего он спросил для того, чтобы показать остальным членам комиссии, видите мол, еще один непризывник, а все туда же!

Потом вопросы стал задавать капитан, которого я раньше никогда не видел. До этого он внимательно, как-то по-особому смотрел на меня, словно изучая.

– Ваша фамилия!

– Демин Николай Петрович!

– Комсомолец?

– Да, комсомолец. С тридцать девятого года.

– Кем работаете?

– Счетоводом в колхозе. Как отец ушел на фронт, я вместо него и работаю.

– Образование?

– 7 классов средней школы и три курса Сызранского путейско-строительного техникума.

– А почему не закончили техникум?

– Так война ведь. Да и семье помогать надо.

– Да, сейчас многие прямо из-за парт – в окопы. Там и сдают свой экзамен на зрелость.

– Среди родственников судимые были?

– Нет, не были!

Капитан наклонился к секретарю райкома комсомола, о чем-то спросил его. Тот утвердительно кивнул головой, соглашаясь с ним. Потом пошептался с военкомом. До меня донеслись лишь обрывки фраз:

– ...Нет... Конечно... ший паренек... Вполне можно.

– Ну что ж, – после многозначительной паузы произнес военный с одной «шпалой» в петлице и посмотрел на меня так пристально, что у меня мурашки по спине побежали. Взгляд его был настолько острый, что мне показалось, будто меня пронзили насквозь стрелой. – Хотите быть чекистом?

Мои мысли путались, и я в тот момент плохо соображал, что к чему. Почему именно чекистом? Витьку – то вон куда определили – в танкисты, а я чем хуже его?

Я настоящего чекиста видел один или два раза в жизни. Помню, к нам в село приезжал сотрудник Арзамасского райотдела НКВД или по-старому – ОГПУ. Мы мальчишками (с чьих-то слов, уже не помню) «окрестили» эту организацию так: «О, Господи, Помоги Убежать!». А если читать задом-наперед, то получалось: «Убежишь – Поймаем, Голову Оторвем!». Вот только об этом мы никому не говорили, потому что понимали, если бы о наших «лингвистических» познаниях прознали сотрудники этой грозной организации, нам пришлось бы очень плохо.

В другой раз «огэпэушник» приходил к нам в техникум, беседовал с нами на общеполитические темы.

Я знал, что многие семьи в нашем селе пострадали от них. Нашу семью Бог миловал: у нас никто не был репрессирован или арестован. А у других было немало примеров, когда невинные люди страдали ни за грош – лишь потому, что когда-то, кем-то были оклеветаны. Так ломались человеческие судьбы. Да что там судьбы? Человеческие жизни. Вот почему все мы к оперуполномоченным НКВД относились со страхом и недоверием.

Пытаясь подавить в себе внутреннее волнение, я проямлил что -то неопределенное (видно, неспроста он здесь командует), как бы не стоял за всем этим какой-то подвох?

– Я повторяю вопрос: Вы хотите быть чекистом?

– Товарищ капитан, я хочу на фронт, сражаться с фашистами!

– А Вы, молодой человек, полагаете, что мы Вам предлагаем тепленькое местечко в тылу? Так? Воины-чекисты сейчас сражаются на всех фронтах, на самой передовой линии. Пограничники первыми приняли на себя удар врага и мужественно продолжают громить его повсюду. Это что, по-Вашему, не фронт? Это, разве, не передовая?

Голос его звучал все тверже, а интонация становилась угрожающей. По столь неожиданной реакции капитана я понял, что дал промашку с ответом, ляпнул не то и сам испугался своих слов. Еще, чего доброго, отправит туда, куда Макар телят не пас. Поэтому срочно поспешил «реабилитироваться» в глазах всей комиссии:

– Нет, я так не думаю. Я согласен, просто...

– Что «просто»? Договаривайте! – вытянул вперед гусиную шею капитан.

Все, моя голова окончательно перестала соображать.

– Да нет, ничего... Я согласен, товарищ капитан! Я хочу быть чекистом!

– Ну вот, это совсем другое дело! – голос капитана вновь стал спокойным и бархатистым. – Идите домой, а когда понадобится, мы Вас вызовем. Вопросы есть?

– Никак нет!

Я по-военному повернулся кругом (но почему-то через правое плечо) и на ватных ногах вышел из кабинета. Вся моя спина была мокрой от пота.

Вскоре Виктор Демин уехал куда-то вместе с другими призывниками, а я до августа 1942 года продолжал работать в колхозе счетоводом.

Мужчин призывного возраста оставалось в селе все меньше и меньше. Горе похоронок все чаще стало стучаться в дома: «... С глубоким прискорбием извещаем, что ваш муж (имя-рек) пал смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками».

Как правило, у людей, получавших их, хватало сил прочесть только первые строчки, затем в глазах все начинало плыть и мутная пелена застилала глаза, ноги подкашивались, волосы становились белее снега. Почтальоны подолгу носили в своих сумках казенные конверты, не решаясь их вручить адресатам. И едва закрывалась за письмоноском дверь, как человеческий крик вырывался на улицу – никому не хотелось быть вестником печали, скорби и горя?

Не обошло стороной несчастье и семью моего друга – Виктор Статейкин погиб на фронте. Теперь я рвался на фронт еще сильнее – хотелось отомстить за его смерть.

Но не прошло и двух месяцев, как я с болью узнал, что геройской смертью погиб еще один мой приятель – Вася Щелин.

Но самым большим ударом для меня стало известие о гибели Виктора Демина. Эх, Витька, Витька! Какими радостными были его первые письма! Как он вдохновенно писал о своем пребывании в Действующей Армии! С какой ненавистью он хотел отомстить фашистам за все их злодеяния, словно спешил, старался «догнать» своих товарищей по оружию в героических делах.

«Николай, – писал Виктор мне с фронта, – мне, стахановцу в труде, теперь надо стать стахановцем в бою. Сколько времени я потерял зря, сидя дома, сложа руки. На счету моих товарищей уже не одна сотня убитых фрицев, а я их еще в глаза не видел. Но, ничего, скоро из учебного подразделения нас направят в боевую часть, вот тогда буду две „нормы“ давать: за себя и за тебя!» Каким оптимизмом, какой жадой жизни были наполнены его письма! Он хотел жить, а когда потребовалось отдать жизнь ради Победы, ради того, чтобы жили другие, сделал это, не задумываясь.

Наконец – то, в августе 1942 года мне пришла повестка из военкомата явиться на сборный пункт, «... имея при себе...» Далее перечислялся список необходимых вещей, которые надлежало иметь при себе каждому призывнику. Вот теперь я смогу отомстить за смерть друзей», – подумал я.

Я был направлен в 300-ый стрелковый полк 21-ой отдельной стрелковой бригады внутренних войск НКВД СССР.

Тот капитан не обманул меня.

Началась моя служба в Красной Армии, в войсках НКВД.



## IV. В одном эшелоне

...Теплый августовский полдень сорок второго. Село Большое Болдино<sup>14</sup>. То самое, где около 190 лет тому назад творил великий Пушкин.

На привокзальной площади царил суета. Повсюду стоял шум, гомон, в котором смешались песни провожающих и отъезжающих на фронт, людские разговоры, крики мальчишек, бегающих стайками в этом водовороте и лавирующих между стоящими группами, собранных со всего района призывников, паровозные гудки прибывающих и отъезжающих эшелонов. Пожалуй, никогда еще не было так многолюдно на вокзале за всю историю его существования как сегодня.

Где-то за деревянным штакетником забора станции «хромка»<sup>15</sup> переливчато сыпала «Камаринского». Пожилой мужчина неуклюже, но с удовольствием пошел по кругу в пляс.

А на противоположном конце перрона другая гармошка играла «Русского», под мелодию которого две девушки в ситцевых платицах, с платочками в руках, легко и воздушно танцуя, работали каблучками, выдавая куплет за куплетом. Причем частушки рождались тут же, во время танца, вылетая, словно искры из-под каблучков:

*Меня милый провожал,  
На прощание руку жал.  
Тут я и расплакалась —  
Сказала, чтобы сватался!*

*Паровоз стоит готовый  
К отправлению в дальний путь,  
Я бы рельсы разобрала —  
Лишь бы с места не толкнуть!*

Каждое четверостишие сопровождалось смехом или аплодисментами благодарных слушателей, с интересом ожидающих очередной «перл» исполнителя.

Из-за поворота, со стороны реки Арзинки, медленно показалась дымная голова пыхтящего трудяги-паровоза, тянущего за собой длинный состав.

Подошел эшелон с призывниками-горьковчанами. От станции к станции собирал он молодых парней, отрывая их от семей, любимых, матерей, жен, невест, сестер.

С его появлением на перроне сразу все пришло в броуновское движение. Прощальные объятия, слезы расставания, рыдания и всхлипывания матерей, невест, сестер, напутствия и наставления отцов, обещания и клятвы призывников биться насмерть с врагом – все разом вылилось наружу, словно долго ожидая, и, наконец, дождавшись своего момента.

Был среди молодых парней, которым выпала честь в те дни эта нелегкая военная доля, и молодой паренек-большебодинец Володя Воронин.

---

<sup>14</sup> 3 сентября 1830 года Александр Пушкин приехал в свое родовое имение Болдино Нижегородской губернии. За три осенних месяца, прожитых здесь он написал более 30 произведений различных жанров. Всего же в Болдине Пушкин провел три осени (1830, 1833 и 1834 гг.) и написал около 50 произведений. Среди них «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Медный всадник», «История Пугачева», «Пиковая дама», «Анджело», две последние главы «Евгения Онегина», «Домик в Коломне», «Сказка о попе и о работнике Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», около 30 стихотворений (в том числе и бессмертная «Осень») и др.

<sup>15</sup> Русские гармони делятся на два вида по типу извлечения звука: во-первых, гармони, у которых при растяжении и сжатии мехов каждая кнопка при нажатии даёт звук одной и той же высоты, и, во-вторых, гармони, у которых высота звука меняется в зависимости от направления движения мехов. К первому типу относятся такие гармони как «ливенка», «русская венка», «хромка» (самая распространённая). *Материал из Википедии – свободной энциклопедии*

Немного грустный – тягостно все-таки покидать родные края, но гордый тем, что теперь и ему выпала честь с оружием в руках защищать Родину, он ожидал прибытия эшелона. Но, несмотря на всю его кажущуюся серьезность, лукавинки в глазах – признак неугомонного, широкого по натуре, веселого характера озорника – проступали наружу.

Провожали его отец и мать – Иван Васильевич и Анастасия Ильинична, сестры Вера и Шура, братья Николай и Анатолий. Была здесь и любимая девушка Володи – Надя. Она стеснительно стояла несколько поодаль от его родных и скромно ждала, когда ее суженый подойдет к ней попрощаться.

Провожали своего товарища и его школьные друзья. Провожало в тот день своего гармониста и плясуна все Черновское, ведь без него не обходилось ни одно гулянье, ни один праздник в селе.

...Потускнел августовский вечер. Убегали назад станционные постройки, леса, поля, реки. Поезд стремительно мчался навстречу войне. Позади остались Саранск, Рузаевка. Проехали по земле Мордовии. А вот и старинный русский город Пенза. Здесь – небольшая остановка.

Едва поезд замер у перрона, как все призывники разом высыпали из вагонов, побежали в сторону водопроводного крана. Облепили его со всех сторон: кто с чайником, кто с котелком, кто с кружкой. Каждому хотелось побыстрее набрать воды, оттого и толчея образовалась вмиг.

Но стоило только призывному гудку паровоза прокричать, как вся очередь как по команде распалась.

Счастливики, которым повезло больше других, бежали к вагонам, расплескивая на ходу воду. Остальные, под смех и улюлюканье своих товарищей, возвращались в вагоны ни с чем.

С самого начала движения в теплушке установилась какая-то гнетущая тишина. Не было слышно былых разговоров. Все призывники притихли. Близился вечер. До утра никаких остановок не ожидалось. Возможно, поэтому у каждого из нас было пасмурно на душе. А может быть, всем нам просто хотелось в этот момент побыть немного наедине со своими мыслями, переживаниями, оценить свершившееся.

У каждого перед глазами еще отчетливо стояла встреча расставания, которая тупой болью отдавалась в сердце.

На двухъярусных нарах – 18-20-летние призывники – гагинцы, дальнеконстантиновцы, лукояновцы. Добавились в Ужовке и большеболдинцы.

Мы еще не успели как следует перезнакомиться, а тем более сдружиться, поэтому вначале так и сидели – маленькими группами.

Проголодавшись, многие достали на ужин домашнюю снедь, разложив аппетитно пахнущие продукты.

И вдруг, откуда-то с верхнего яруса послышалось пение:

*– Последний нынешний денечек  
Гуляю с вами я, друзья.  
А завтра раньше, чем цветочек  
Заплачет вся моя семья...*

Но, песни не получилось. Никто не поддержал ее. То ли мотив был не подходящим для этой аудитории и настроения, то ли слова слишком грустные.

И с другого конца вагона, словно соревнуясь с предыдущим исполнителем, кто-то запел другую песню:

*– На позицию девушки провожала бойца,  
Темной ночью простилась на ступеньках крыльца.*

*И пока за туманами видеть мог паренек,  
На окошке, на девичьем все горел огонек...*

Плавная, певучая, лирическая мелодия как нельзя лучше соответствовала нашему состоянию души. Разлука с домом, родными, друзьями вызвала в сердце тоску, но не обреченность, подавленность.

И стоило было только зазвучать этой песне, как многие представили себя на месте того самого бойца, уходящего на передовую. Да, мы были этими бойцами, и нас сегодня проводили на фронт любимые. И в нас жила надежда скорой встречи с любимой.

Едва стих последний куплет «Огонька» М. Исаковского, как вслед за ним разухабисто грянули веселые, задорные частушки и припевки. Неизвестный гармонист лихо пробежал по клавишам пальцами, рассыпая искорки радости. Его виртуозные переборы взяли за душу каждого из нас, вмиг подняли настроение.

– А ну-ка, поддай! Врежь нашенского! – послышался сверху голос весельчака и балагура Саши Мохрякова из Большого Казаринова. – Эх, развернись, душа!

Потом в «разговор» вступила гармошка Володи Воронина. Не смог он удержаться, чтобы не ответить на «вызов» в этой своеобразной музыкальной «дуэли». Музыка была частью его жизни, его настоящей страстью. Он жил музыкой, а музыка – в нем. Владел Володя инструментом великолепно, мастерски. И не только этим инструментом.

С малых лет, когда Воронин учился еще в начальных классах, он на слух подбирал на балалайке несложные мелодии, мотивы, песни, наигрыши. Вместе со старшим братом Василием он ежедневно по несколько часов в день учился игре на балалайке.

В репертуаре парнишки к тому времени были уже русские народные песни: «Выйду ль на реченьку...», «Коробейники», «Светит месяц». Позднее он стал постигать и нотную грамоту, самостоятельно научился настраивать инструмент на оба лада – минорный и мажорный.

В приобщении Володи к музыке и, прежде всего к народной, большую роль сыграл его школьный учитель... математики, Лев Иванович Успенский, настоящий знаток и энтузиаст русской музыки. Страстно любящий детей, Лев Иванович создал в школе на общественных началах оркестр народных инструментов, подолгу занимался с ребятами, отдавая им не только все свое свободное время, но и сердце, душу, свои знания и любовь. И питомцы в свою очередь отвечали учителю взаимностью.

Все, кто однажды пришли на его первую репетицию, остались в оркестре до конца. Мальчишки и девчонки принесли с собой свои собственные балалайки, мандолины, гитары, гармони. Так и родился ансамбль народных инструментов.

У самого Льва Ивановича был старенький, но находящийся в отличном состоянии баян. Учитель свободно владел и многими другими инструментами, обладал прекрасным музыкальным слухом и памятью.

Весть о создании оркестра народных инструментов разнеслась далеко окрест Большого Болдино. Через некоторое время начались и первые «гастроли». Вначале это были поездки в близлежащие села: Свирино, Апраксино, Кистеневку, Малое Болдино. Затем стали выезжать и в соседнюю Мордовию. Последним концертом, на котором играл Володя Воронин, был прощальный школьный вечер 23 июня 1942 года...

И вот теперь, в вагоне-теплушке, удаляющемся от дома все дальше и дальше, гармонь вновь напомнила ему о былом.

Услышав игру первого исполнителя, Воронин не выдержал:

– А ну, ребята, дайте мне попробовать «Сормача»!

Спрыгнув с верхней полки-нар на пол вагона. Володя подошел к гармонисту. В сумеречном освещении лампы-трехлинейки<sup>16</sup> он казался еще ребенком из – за своего небольшого роста.

– Смотри, парень, как бы тебя гармонию не придавило! – беззлобно съязвил кто-то сверху, внимательно наблюдая за происходящим.

– А ты не смотри, что мал, зато – удал! – вступились за болдинца его друзья-односельчане, не давая Володю в обиду. – Жми, земляк! Дай им на всю катушку! Пусть знают наших! Мы тоже не лыком шиты!

Рванув меха, Воронин пробежал пальцами по рядам, проверил звучание гармони, опробовал мягкость кнопок, и выдал первые аккорды.

Все притихли. Смолкли даже голоса остряков. Сразу видно, что парень – не новичок в этом деле, а имеет определенный опыт.

– *Ты сыграй-ка мне, товарищ,  
– «Сормача» повеселей...* —

запел мягким голосом Воронин.

– *Чтобы фрицам было туго,  
– Наступил «капут» быстрей!* —

подхватил припевку Саша Мохряков.

Следующим принял эстафету Миша Кузнецов из Пересекино:

– *Стели, мать, постелюшку  
Последнюю неделюшку.  
А на той неделе, мать,  
На шинели буду спать.*

Мы даже не заметили, как под одну и ту же мелодию каждый из нас исполнил по несколько куплетов. А ехало в вагоне нас человек шестьдесят. Вот так, в песнях, задорных частушках, шутках-прибаутках, дружеских розыгрышах прошел наш первый день в пути следования.

Утром мы проснулись в хорошем настроении. Потому что в наших отношениях отныне все было ясно и светло. Песня сдружила нас.

Позади остались Ртищево, Кирсанов. Обозначился путь на Тамбов, хотя до него оставалось еще 95 километров. Мы не знали, где будет наша следующая остановка. И как потом оказалось – конечная.

---

<sup>16</sup> Традиционно, до сих пор, керосиновые лампы, стёкла к ним и фитили указываются в линиях. 1 линия – это 1\10 дюйма. Применительно к керосиновой лампе означает ширину фитиля. Например, диаметр лампового стекла в нижней части – 20 линий (50,8 мм). Лампа с шириной фитиля 7 линий (около 18 мм) получила название *семилинейная керосиновая лампа* или *семилинейка*, соответственно, *трехлинейка* – 7.62 мм. *Материал из Википедии – свободной энциклопедии*



## У. В учебном полку

...Предрасветное прохладное утро. Поезд остановился на каком-то полустанке. Последовали команды: «Подъем!», «Выходи из вагонов!», «Строиться!»

Вышли из вагонов. Осмотрелись. На фасаде обветшалого станционного здания – надпись: «Рада».

Для нас это название ни о чем не говорило, а между тем, мы находились примерно на полпути между Рассказово (10 км.) и Тамбовом (11 км.).

Построились, положив перед собой на землю заметно «похудевшие» «сидоры». Встречавшие нас офицеры в форме войск НКВД проверили личный состав (хотя это определение для нас еще мало подходило – мы были всего лишь призывной гражданской молодежью, и военного вида в нас пока еще не было), затем разбили на отделения, взводы, назначили наших первых командиров – сержантов.

Теперь нам предстояло совершить свой первый в жизни марш, который мы вначале восприняли как прогулку.

Учебный центр располагался в лесу. Там нас снова построили, опять проверили по спискам и развели по палаткам.

Володя Воронин был определен в пятую роту, а я – в первую. Отныне я был бойцом первой роты 300-го стрелкового полка НКВД. Звучало, конечно, основательно!

Полк входил в состав 21-ой отдельной стрелковой бригады внутренних войск НКВД СССР, сформированной приказом НКВД СССР №00734 от 13.04.1942 г. во исполнение Постановления ГКО №1406 сс от 07.03.1942 г. «Об увеличении численности внутренних войск НКВД СССР на 50 000 человек».

Первым командиром 21-ой бригады был назначен полковник Зубрилов Иван Тихонович (в этой должности был с апреля 1942 по март 1944 гг.), военным комиссаром бригады – батальонный комиссар Старостин С. М., начальником штаба бригады – майор Щемелев Н.

Первоначально в состав бригады вошли три стрелковых полка внутренних войск НКВД СССР – 300-ый и 301-ый (г. Тамбов), и 302-ой (г. Мичуринск) и отдельный батальон боевого обеспечения (г. Тамбов).

Нас, чернухинцев, всего прибыло 45 человек. Естественно, каждому из нас хотелось попасть служить вместе с земляками в одну роту, о чем мы не только мечтали, но и даже попросили об этом командование. К сожалению, у него на это были совсем другие планы.

Когда мы стояли возле палатки дежурного по учебному лагерю, к нам подошел офицер. Позже мы узнали, что это был политрук Чурилов. Он оглядел строй и спросил:

– Из Балахоники есть кто-нибудь?

– Есть! – радостно выкрикнул я.

Чурилов подошел ко мне, посмотрел пристально и, прищурился глазами, сразу определил:

– Демин! Если не ошибаюсь, сын Петра Александровича?

– Так точно, Демин! – как можно тверже и четче, по – военному, ответил я.

– То-то я смотрю, лицо уж больно знакомое! Ну, вылитый отец! Ты посмотри, где земляка встретил! А я ведь с Петром Александровичем до войны в алебастровой артели работал: он – бухгалтером, я – парторгом, а потом зав. клубом. Ну, как он? На фронте? Хотя, чего я спрашиваю, сейчас все там.

– На фронте. С августа сорок первого. Как ключи передал мне, так сразу и ушел.

– А ты, стало быть, по его стопам пошел? Молодец! Грамотный?

– Так точно! После школы учился в техникуме. Только закончить не удалось.

– Ничего, фрицев прогоним, вот тогда опять за парту сядешь.

Поговорить нам толком не удалось – Чурилова срочно вызвали в штаб. Больше в тот день я его не видел.

На построении нам объявили, кто в какое подразделение будет направлен. Моя фамилия прозвучала в списках первой роты. Я догадался, что без помощи моего земляка здесь дело не обошлось.

«Ну что ж, первая так первая, – подумал я. – Может быть, это даже и к лучшему».

Командир роты сразу же обратил внимание на мой каллиграфический почерк. Этот факт, а еще и моя довоенная специальность – счетовода – предопределили мою будущую нештатную должность – ротного писаря.

Но и это было еще не все. На организационном комсомольском собрании я был избран комсоргом роты.

Теперь с Чуриловым мы встречались почти ежедневно. Я радостно подумал (ах, как я ошибался!), что он «по знакомству» будет делать для меня какие-нибудь послабления. Но все вышло иначе.

Он не только не давал мне поблажек, а наоборот, строго контролировал, как я усваиваю программу обучения, как веду комсомольское хозяйство, как работаю лично я и возглавляемое мною бюро ВЛКСМ.

Я забыл, когда спал положенные 8 часов. Когда мои товарищи закрывали глаза, чтобы увидеть долгожданные сны, я садился в классе и заполнял протоколы собраний и заседаний бюро комсомола, составлял планы работы, продумывал поручения для своих комсомольцев. А кроме того, – списки, списки, списки...

Вся эта бумажная волокита вскоре мне так надоела, что я готов был возненавидеть весь белый свет за свою судьбу, на что не раз жаловался своим товарищам.

Я не понимал, почему Чурилов так излишне строг и за что он постоянно придирается ко мне?

Однажды я собрался с духом и зашел к нему в штабную палатку. Я решил высказать ему все, что накопилось у меня в душе. Пусть, думал я, будет, что будет. Может быть и освободит меня от такой нагрузки.

К великому моему удивлению политрук выслушал меня спокойно, даже несколько флегматично. Он словно заранее знал, что я скажу, поэтому опередил меня, начал отвечать на все мои вопросы, роящиеся в моей голове. Чурилов был хороший психолог:

– Это правильно, что ты пришел ко мне. Я, честно говоря, ждал этого разговора. Только не знал, когда именно он произойдет. Попробую тебе все объяснить, а ты постарайся меня правильно понять.

Поставь себя на мое место. Допустим, ты – Чурилов, а я – Демин. Я прибыл к тебе в роту. Все знают, что мы с тобой не только земляки, но и хорошо знакомы, кроме того, я друг твоего отца. Как посмотрят на меня твои, то есть мои, товарищи?

– Нормально посмотрят...

– Хорошо, следующий вопрос. А как ты будешь относиться ко мне? Как-то, по-особенному, выделяя меня среди других бойцов, то есть, делая мне послабления или построишь со мной отношения так же как и с другими?

– Конечно, так же как и с другими! – выпалил я. Именно эта мысль мне пришла в голову первой. – В честь чего я Вас буду выделять?

И тут понял, что увлеченный разговором, я совсем забыл о своих обидах, приведших меня сюда. Я как бы посмотрел на себя со стороны, отбросил свои эгоистические замашки.

– Ну, вот ты сам и ответил на свой вопрос! – рассмеялся политрук. – Ведь ты за этим приходил? Хотел узнать, почему это земляк так нагружает тебя работой? Ведь так?

– Так, – смущенно пробормотал я.

Мне вдруг стало стыдно за свои мысли. Больше говорить и спрашивать было нечего.

– Я все понял, товарищ политрук! Разрешите идти!

– Иди, Демин. Я рад, что у нас с тобой получился такой откровенный разговор.

Придя в подразделение, я рассказал о нашем разговоре своему товарищу, а затем написал обо всем отцу. Они с Чуриловым стали переписываться. Я старался не подводить отца и служил честно и добросовестно.

Условия жизни в лагере учебного полка были максимально приближены к фронтовым. Почти все наши командиры уже успели понюхать порошу на передовой, поэтому о войне знали не понаслышке. Они хотели, чтобы мы с первых дней своего обучения ощутили на себе все «прелести» походной, фронтовой жизни, чтобы потом мужественно и стойко переносить все ее тяготы и лишения там, в действующей Армии.

Жили мы в землянках и палатках. Штаб, хозяйственные помещения размещались в зданиях и складских постройках, а занятия проходили под навесом, где были врыты в землю столы и лавки. Там же созывались партийные и комсомольские собрания, читались лекции, проводились беседы. А в короткие минуты отдыха в классах мы писали свои письма родным.

Надо сказать, что это небольшое местечко под Тамбовом находилось в прифронтовой полосе: фашисты к тому времени заняли часть Воронежа, а передовая линия фронта проходила всего в 100—120 км от нас.

Враг уже стоял у стен Сталинграда. Планы немецко-фашистского командования на лето 1942 года были следующими: разгромить советские войска на юге страны; овладеть нефтяными районами Северного Кавказа, богатыми сельскохозяйственными районами Дона и Кубани; нарушить коммуникации, связывающие центр страны с Кавказом; создать условия для окончания войны в свою пользу. Постигшие врага неудачи в мае-июне 1942 года в Крыму, на воронежском направлении и в Донбассе немного отрезвили немцев, но не заставили полностью отказаться от дальнейшего осуществления своего гегемонистского плана.

Красная Армия готовилась дать свой решительный бой немецко-фашистским захватчикам у стен Сталинграда. Согласно распорядку дня, в определенное время мы ежедневно прослушивали сводки Совинформбюро, поэтому прекрасно представляли, что происходило на фронтах Великой Отечественной. А если мы в это время находились на занятиях в поле или в карауле, агитаторы записывали содержание сводок на бумагу и позже зачитывали их нам или вывешивали информационные бюллетени на специальных стендах. Каждый из нас рвался на фронт. Положение там продолжало оставаться сложным, напряженным и нестабильным. Под игмом фашистов еще находились Прибалтика, Белоруссия, Украина, Молдавия, западные и южные области Российской Федерации.



## VI. Боец Воронин

...Новое пополнение повели мыться в полевую баню.

Старшина позаботился о новеньком обмундировании. И когда нас подстригли «под ноль», мы стали выглядеть так однообразно, что без прежней одежды, шевелюр и чубов перестали узнавать друг друга. Форма на нас сидела мешковато, топорщилась. Складок на ней было больше, чем на теле бегемота. Но это было только в первые дни.

Командиры быстро привили нам навыки в обращении с гимнастеркой и портянками. Через несколько дней мы даже старались выглядеть несколько щеголевато, хотя по-прежнему углы плеч выпирали через ткань, а ремень впивался нам в живот, подчеркивая и без того худую фигуру.

Пока шел период нашего становления, командиры не теряли времени даром. Они вызывали каждого бойца в штабную землянку или палатку для проведения ознакомительных бесед. Разговоры велись на самые различные темы: о семье, довоенной работе, событиях на фронте.

Молодого бойца Воронина командир батальона старший лейтенант Мазилев и командир роты лейтенант Гарифуллин заметили сразу.

Они обратили внимание на живого, общительного по характеру, но в то же время неприметного из-за своей скромности паренька. Вокруг него всегда собирались другие бойцы. Где был Воронин, там всегда слышались смех, шутки, песни.

– Вот кто должен быть секретарем комсомольской организации пятой роты, – говорили между собой командиры. – Лучшей кандидатуры не найти.

Вскоре состоялось комсомольское собрание, на котором Володю единодушно избрали секретарем. В связи с новой должностью ему прибавилось хлопот. Он, кроме всего прочего, выполнял много распоряжений и поручений в штабе, где чертил различные схемы, таблицы, учебные пособия.

Володя обладал прекрасным почерком и способностями чертежника. Мне с ним тягаться в этом деле было бессмысленно.

Замечу, что с него, как с молодого бойца учебного пункта, никто не снимал основных обязанностей по овладению «суворовскими навыками трудной науки побеждать и учиться военному делу настоящим образом».

Тактические занятия, физическая, огневая, саперная, строевая и противохимическая подготовка, как правило, проводились ежедневно и очень интенсивно – по 10—12 часов в день на подготовленных тактических полях, полигонах, стрельбище или на импровизированном строевом плацу, который к осени постоянно был залит водой, и нам, прежде, чем приступить к занятиям, подолгу приходилось разгонять лужи березовыми вениками, а только потом маршировать, отрабатывать строевые приемы.

Погода становилась все капризнее. Солнце появлялось в небе лишь на короткое время, чтобы слегка подсушить влагу, а затем все небо вновь заволакивало тучами, и на землю падали крупные капли дождя, который порой длился несколько дней.

Иногда нам казалось, что наши физические и моральные силы находятся на грани истощения, но дожидаться «жалости» от командиров было практически невозможно. «Тяжело в ученье – легко в бою!» – неустанно и назидательно повторяли они нам.

Тактическая обстановка на учебных полях была полностью приближена к той, с которой нам впоследствии придется столкнуться на фронте. Нас с первых дней приучали отрабатывать задачи и нормативы в самые короткие сроки, малыми силами. Постепенно, день за днем мы перекрывали их по времени вначале на 10, 30, 50 процентов. Затем стали выполнять их гораздо быстрее, чем положено.

Так, усиленно мы готовились воевать с противником, которого еще ни разу не видели, но знали о нем от наших командиров очень много. И потом добрым словом вспоминали наших сержантов, офицеров за то, что благодаря преподанной науке, мы не погибли в первом же бою. Благодарили за то, что они нас гоняли до седьмого пота, «не жалели», а учили по-настоящему бегать, ползать, стрелять, бросать гранаты, атаковать траншеи, укрываться от артобстрела и воздушных налетов. Именно это и сохранило потом всем нам жизни.

Занятия по боевой и политической подготовке проводились на открытом воздухе. Срывов не допускалось. Учебная дисциплина была жесткой.

Пищу принимали там же, под оборудованными навесами, поэтому в своих землянках мы появлялись лишь вечером, чтобы написать письмо родным, да подготовиться к завтрашнему дню: пришить новый подворотничок, очистить шинели от грязи, которая за день коростой покрывала наше обмундирование.

Кстати, о пище. Приготовленная в полевых кухнях, она была очень вкусной, с дымком. Отсутствием аппетита мы не страдали. Особенно после совершенного с полной боевой выкладкой 15-20-километрового марша, в процессе которого «попутно» несколько раз атаковали «передний край обороны противника», преодолевали завалы и разрушения, вступали в «бой» с невесть откуда появившимися на нашем пути «десантом противника», его разведкой. Поэтому аппетит после таких занятий был просто зверским.

День был заполнен занятиями до предела, времени у солдата, чтобы заняться своими личными делами, почти не оставалось. А если ты, помимо этого занят еще и общественной работой, то тебе можно только посочувствовать.

Володя Воронин вскоре определился как несомненный лидер молодежи, стал пользоваться громадным авторитетом и уважением у своих товарищей. Секрет заключался в том, что он во всем старался подражать своему командиру роты – лейтенанту Гарифуллину.

«...Гарифуллин сказал...» – этого было вполне достаточно, чтобы убедить каждого выполнить его распоряжение. Он использовал в обучении своих подчиненных свой главный принцип «Делай как я!». Первым атаковал «противника», колол его штыком, отбивал прикладом встречный удар, громогласно, в пример обучаемым, кричал: «Ура!».

– Когда громко кричишь, – говорил ротный, – во-первых, тебя враг начинает бояться, твоего порыва, силы духа, а во-вторых, сам о страхе забываешь. Он вместе с криком улетает!

Стрелял Гарифуллин мастерски, без промаха. Мог со ста метров превратить «яблочко» мишени в сплошное сито. И всему этому он учил своих бойцов.

Не было ему равных и на перекладине. Бывало, начнет крутить «солнышко» – все приходили любоваться его красивым, натренированным телом. А как виртуозно выполнял на спортивных снарядах упражнения Гарифуллин! Залюбуешься изящностью и легкостью, с которой он занимался на спортивном городке. Потом сами загорались азартом в гимнастике.

Очень многие подражали и старались перенять секреты его мастерства и выносливости. Да и сам он охотно делился им со всеми.

Всему этому и учился у своего командира Воронин. А когда сам все умеешь, да к тому же помогаешь товарищу, то вместе с этим приходит уважение, авторитет, дружба и лидерство.

Марш-бросок на 6 километров к месту проведения тактических занятий и обратно проводился у нас почти ежедневно. Впереди всегда был командир роты Гарифуллин. А кто является первым помощником командира? Конечно же, секретарь комсомольской организации, комсомольский вожак! А какой он вожак, если «умирает» на каждом кроссе или марш – броске? Поэтому само положение в коллективе обязывало Воронина быть в числе лучших, а не отстающих воинов.

Командиры обычно так говорили нам по поводу трудностей:

– Если вы пасуете перед трудностями сейчас, в учебной обстановке, то там, на фронте, вы подведете своих товарищей, поставите под угрозу выполнение боевой задачи всего подраз-

деления, а возможно даже и части. Здесь вам помогут товарищи – «поднесут» вас до финиша, там – другое дело. Там некогда будет заниматься каждым из вас в отдельности, когда идет наступление. Все будут заняты главным делом. А вы превратитесь в живую мишень для врага, в объект охоты на «языка».

И нас «подтягивали» до необходимого уровня, чтобы мы потом могли успешно выдержать самую большую нагрузку, выполнить любую поставленную задачу.

С 6 часов утра до позднего вечера мы бегали, стреляли, ползали, атаковали передний край обороны «противника», метали тяжеленные болванки – гранаты. А сколько земли перерыли! В этом деле мы свободно могли посоревноваться с кротами.

Рано или поздно, но занятия заканчивались, наступало время обеда, и подразделения возвращались в лагерь.

...Однажды наша рота шла строем в столовую. На поляне уже дымилась полевая кухня, разнося по округе аппетитный, дразнящий запах супа и каши.

Внутри строя, в руке каждого из нас – котелок, а в нем положенная норма хлеба, выданная к обеду. Было принято, что вначале мы получали хлеб, а уже потом, у полевых кухонь нам выдавали первое, второе блюдо и компот или чай.

Идем, смотрим на хлеб, а слюнки так и текут. Нас каждую минуту подмывало взять и отщипнуть кусочек, чтобы незаметно положить в рот. Но мы знали, что жевать в строю запрещено. Не дай, Бог, старшина увидит, тогда неприятностей не оберешься. И все-таки, несмотря на это, мы тайком все же шли на соблазн. Смотришь, у одного рука потянулась ко рту, у другого, третьего. Но всевидящий старшина все замечал. Глаза у него на затылке, что ли?

– Боец Воронин, запевай!

И, повинувшись команде, Володя самобытным металлическим тенорком запевал:

*– Расцветали яблони и груши,  
Поплыли туманы над рекой... —*

А ротный строй подхватывал:

*– ... Выходила на берег Катюша,  
На высокий, на берег крутой.*

С полным ртом, естественно, петь не можешь, поэтому затею с хлебом приходилось отставить.

Вот такую маленькую хитрость придумывал наш старшина. Вот такой урок преподавал он нам всем.

Кстати, сам старшина очень любил петь и прививал любовь к строевым песням всем своим подчиненным. Бывало, ведет строй и приятным баритоном затянет песню:

*– Белоруссия родная,  
Украина золотая,  
Наше счастье молодое  
Мы стальными штыками защитим.*

И припев дружно подхватывали бойцы.

Было в песне что-то зажигательное, придающее новый прилив сил. И хотя незадолго до этого мы буквально валились с ног от усталости, но стоило нам было запеть, как она разом уходила. Песня была всегда и во всем настоящей спутницей солдата. Даже на войне ей всегда находилось достойное место.

...Рота готовилась к полковому смотру солдатской художественной самодеятельности. Её организаторами в роте были политрук Чурилов и комсорг Воронин. Именно они взяли на себя разработку программы, поиск талантов, подготовку номеров художественного творчества, их режиссуру.

Были отобраны энтузиасты песни, люди, имеющие определенные вокальные и литературные данные и способности, танцоры. С ними до позднего вечера занимались Чурилов и Воронин, готовя будущую программу. Постепенно образовался хор, затем – музыкальный ансамбль, состоящий из гитаристов, балалаечников, баянистов. Труд их не пропал даром. Рота на смотре заняла второе место.

День за днем проходило время в напряженной боевой учебе. Вчерашние новобранцы стали настоящими солдатами, заметно повзрослев и возмужав, окрепли не только физически, но и морально, духовно, стали собраннее.

Прошло три месяца. Наступил день принятия Военной присяги. И, хотя с того времени прошел не один десяток лет, он запомнился на всю жизнь.

6 ноября 1942 года. Канун 25 – ой годовщины Октября. Морозное утро. Полковой строй замер в ожидании командира полка. И вдруг раздалась команда:

– Полк, смир – р-р – но! Для встречи слева, на кра-ул!

Грянул «Встречный марш». Стройный и подтянутый майор, чеканя шаг, вышел на середину строя и доложил командиру полка о готовности личного состава к приведению к Военной присяге. Из строя на него смотрели не вчерашние юнцы, а настоящие мужчины, солдаты.

Священное кумачовое Боевое Знамя части гордо развевалось на ветру. Наступил самый торжественный и волнующий момент в жизни каждого из нас.

– Красноармеец Воронин! – скомандовал старший лейтенант Гарифуллин.

– Я!

– Ко мне!

– Есть!

Печатая шаг, твердо сжимая в руке ремень винтовки так, что аж костяшки пальцев побелели, Володя подошел к своему командиру.

На лице моего друга была такая сосредоточенность, что, казалось, будто бы он никого и ничего не замечал вокруг себя, кроме своего ротного и держащей в руке папки с текстом присяги. Володя словно отрешился от окружающего его внешнего мира.

– Я, сын трудового народа...

Несмотря на то, что мы все знали слова присяги наизусть, сам ритуал ее принятия предполагал чтение с листа.

Слова слетали с наших уст подчеркнута торжественно, четко и громко. Голос был твердый, уверенный и звенел на морозе как металл. Правда, волнение все же выдавало наши чувства.

После того, как весь личный состав был приведен к Военной присяге, состоялось прощание с Боевым Знаменем.

Закончен курс молодого бойца. Завтра – на фронт!

## VII. В Подмосковье – на формирование

...Ранним морозным утром полк был поднят по тревоге. Считанные минуты понадобились нам для того, чтобы построиться на заснеженном плацу со всем вооружением и снаряжением.

До этого дня подъемы по тревоге производились исключительно с учебными целями: проверка боеготовности подразделений и умения каждого из нас выполнять указанные команды, быстро и четко занимать свое место в строю в соответствии с боевым расчетом, умело действовать по различным вводным.

Обычно после них совершались марш-броски с выходом в «район сосредоточения» или «пункт сбора». Поэтому мы вначале подумали, что именно так и будет на этот раз, но вспомнили, что период обучения закончен и нам скоро предстоит отправляться на фронт. Зачем же нас подняли по тревоге?

– Все, ребята, настал и наш черед! – радостно воскликнули мы. – Ну, конечно же на фронт! Наконец-то! Свершилось!

Командиры рот доложили начальнику штаба батальона о построении личного состава и когда через несколько минут на плац вышел и сам командир батальона, начштаба скомандовал:

– Батальон, смирно! Равнение на середину!

Комбат вызвал к себе ротных. Десять минут он инструктировал о чем-то офицеров. Мы же, вытянув по-гусиному шеи, тщетно пытались уловить хоть одно слово.

– Стать в строй! – приложил руку к головному убору комбат, а затем отдал указание начальнику штаба: – Личный состав – по подразделениям. Вооружение, имущество сложить на место!

Мы недоумевали, что могло стать причиной нашего подъема по тревоге? Нет, учеба здесь ни при чем. Что-то другое. Скорее всего, это было как-то связано с теми событиями, которые происходили в то время на фронтах, а в частности, под Сталинградом. Может, нас хотели послать именно туда, а затем передумали? Догадки не покидали нас.

7 ноября 1942 года в части состоялось очень важное мероприятие – митинг, посвященный 25-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Выступающие говорили о своей решимости сражаться с фашистами на любом участке фронта, отдать свои жизни ради победы над врагом. И это были не пустые слова – все мы чувствовали, что пока враг топчет нашу землю, наши жизни не принадлежат нам.

Затем мы слушали по радио репортаж о военном параде на Красной площади. Голос Левитана звучал как всегда торжественно и уверенно. Мы представляли себе, как, печатая шаг, шли вдоль трибуны войска и мощь нашей армии – боевая техника: танки, реактивные установки «Катюши», самоходные установки, автомашины с пушками и минометами на механической тяге.

Эвакуированные в восточные районы страны оборонные заводы к концу 1942 года не только полностью восстановили свои объемы производства, но и стали работать с многократным перевыполнением плана. В целом производство военной продукции в 1942 году по сравнению с 1940 годом на Урале увеличилось более чем в пять раз, в районах Западной Сибири – в 27 раз, в районах Поволжья – в девять раз.

Если же говорить о конкретных видах вооружения и техники, то увеличение их производства в ноябре-декабре 1942 года по сравнению с аналогичным периодом 1941 г. выглядело так: танков в – 2 раза (несмотря «на прекращение производства танков на Харьковском заводе в связи с эвакуацией, а также на Сталинградском заводе танкостроения), танковых дизель-моторов – в 4,6 раза, артиллерийских систем – в 1,8 раза, пулемётов – в 1,9 раза, винтовок –

на 55% (несмотря на эвакуацию крупнейших тульских заводов, производивших стрелковое вооружение, крупных 120 мм минометов – почти в 5 раз, артиллерийских снарядов – почти в 2 раза, авиационных снарядов – в 6,3 раза, мин – в 3,3 раза (в том числе производство 120-мм мин возросло в 16 раз), реактивных снарядов – в 1,9 раза, авиабомб – в 2,1 раза, ручных гранат – в 1,8 раза, патронов нормальных и крупного калибра – более чем в 1,8 раза<sup>17</sup>.

Так отвечал советский тыл на призыв вождя Советского Союза товарища Сталина вооружить Советскую Армию передовой военной техникой.

Ровно год тому назад, когда враг стоял у стен Москвы, состоялся точно такой же парад. Теперь другая опасность нависла над нашей страной – фашисты под Сталинградом. И мы верили, что настанет час, и вся эта нечисть будет трусливо бежать не только с берегов великой русской реки – символа русского народа, нашей страны, но и с позором будет изгнана за ее пределы, как это когда-то было с Наполеоном.

Готовилось величайшее сражение на Волге...

8 ноября начались занятия в школе сержантского состава. Я был отобран для обучения в ней. Но, проучившись ровно месяц, мне пришлось прервать курс. И не только мне одному...

1 декабря 1942 года весь наш 300-ый стрелковый полк НКВД, а вместе с ним и школа сержантского состава были вновь подняты по тревоге, и мы в пешем порядке выдвинулись в направлении железнодорожной станции, той самой, на которую мы когда-то впервые прибыли. Там под парами уже стояли несколько составов, готовых в любой момент отправиться от перронов.

Приказом Наркома внутренних дел СССР №002642 от 03.12.1942 полки бригады были расформированы, бригада переформирована. Вместо трех полков в ее состав вошли «номерные» отдельные стрелковые батальоны. Отныне новые штаты выглядели так:

- управление бригады, штаб бригады, политотдел бригады;
- 226-ой отдельный стрелковый батальон;
- 227-ой отдельный стрелковый батальон;
- 228-ой отдельный стрелковый батальон;
- 229-ый отдельный стрелковый батальон;
- 230-ый отдельный стрелковый батальон;
- отдельный батальон боевого обеспечения.

Сразу же после переформирования, 13 декабря 1942 года во исполнение приказа НКВД СССР №0211 от 05.12.1942 года бригада в полном составе убыла в действующую армию под Сталинград в оперативное подчинение начальника войск НКВД по охране войскового тыла Донского фронта.

Первоначально было принято решение направить нас под Сталинград для пополнения знаменитой 10-ой дивизии войск НКВД. Об этом мы случайно узнали от офицеров. Но затем это решение было переиграно, и туда был направлен только офицерский состав, а остальная часть полка погрузилась в вагоны.

Итак, мы были снова в пути. В этот раз мы двигались в сторону Москвы.

Воинский эшелон – не пассажирский поезд,двигающийся строго по расписанию. Он может целый день идти без остановок, а на другой – «кланяться» каждому столбу, а то и вовсе простоять в тупике или на запасном пути – все зависело от того какова была категория или литер срочности эшелона.

В первую очередь в сторону фронта пропускали составы с боевой техникой, оружием и боеприпасами, затем – с личным составом воинских частей, направляемых на передовую для прорыва вражеской обороны противника или решения другой стратегической задачи. И только после этого – все остальные эшелоны.

---

<sup>17</sup> Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1948.

В дороге мы были лишены даже самых элементарных удобств. А в зимнее время неизбежно появлялись хлопоты с заготовкой топлива для печек «буржук». Тот уголь, который мы получили на путь следования, давно сторел в жерле. По правилам, снабжением топливом, продовольствием в пути следования занимались военные коменданты станций. Но представьте, что творилось в их кабинетах, когда на основных и запасных путях скапливалось по несколько составов. И все начальники эшелонов требовали обеспечить их в первую очередь. Одним надо было продовольствие, другим – топливо, третьим – фураж для лошадей, четвертым...

И у каждого на руках – приказы вышестоящих штабов с требованиями пропускать эшелон в первую очередь.

А что делать, если состав остановился в чистом поле, да вдобавок ко всему должен просто стоять там несколько часов или суток? Где доставать там топливо? А зима брала свое, она не спрашивала, есть ли у тебя уголь или нет?

...На наше счастье, на подъезде к станции Старожилово, что в полусотне километров от Рязани, нам навстречу заходил товарняк с углем. Он встал бок о бок с нашим эшелонном. Удалось (по договоренности с «соседями») позаимствовать у них немного уголька и запастись им на весь оставшийся путь следования.

500-километровый перегон от Тамбова до Москвы мы, по нашим подсчетам, должны были преодолеть за полтора суток. Но наши хозяйственники выдали нам сухой паек на трое суток, и мы вначале подумали, что произошла ошибка. И только потом стало ясно, что ошибки не было. Все было рассчитано точно. Следовательно, на станцию назначения мы должны были прибыть к исходу третьих суток.

Стоял декабрь 1942 года. Советские войска, проведя успешно контрнаступление под Сталинградом, готовились ко второй части Сталинградской наступательной операции.

Разгромив противника, прикрывавшего фланги ударной группировки – румынских 3-ю и 4-ю армии, – войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов развили наступление по сходящимся направлениям на Калач, Советский, где они окружили 22 немецко-фашистских дивизии.

Войска противника предприняли попытку деблокировать окруженную группировку, но были разгромлены в ходе Котельниковской операции. Затем последовала операция «Кольцо» войск Донского фронта, когда в ходе ее остатки 6-ой немецко-фашистской армии во главе с ее командующим – генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом-91 тыс. человек – сдались в плен.

Туда, в самое пекло Сталинградской битвы и шли непрерывным потоком эшелоны с оружием, боеприпасами, техникой и живой силой. Вне всякой очереди.

Естественно, наш состав с «необстрелянными», вчерашними школьниками, продвигался значительно медленнее, чем остальные и ждал своей участи, пока другие, более нужные, на больших скоростях проносились мимо нас.

– Ну что, Володя, отогрелся? – подсел к Воронину его друг Миша Кузнецов. – Берика в руки двухрядку и сыграй нам что-нибудь повеселей, а то некоторые из нас уже в спячку ударились. Разбуди их!

Приятно дышала жаром «буржуйка», заправленная дармовым углем от души. А что для солдата надо? Чтобы был сыт, одет, обут и всегда в тепле. И еще немного песен в грустные минуты.

Дважды Воронину повторять не надо было.

*– На солнечной поляночке  
Дугою выгнув бровь,  
Парнишка на тальяночке  
Играет про любовь. —*

послышались слова первого куплета. Ее сразу же узнали бойцы и подхватили:

*– Про то, как ночи жаркие  
С подружкой проводил...*

После фатьяновской «Поляночки» спели «Синий платочек», «Моя любимая», «Три танкиста».

Конечно, слово «спели» звучало громко, так как многие не знали еще полностью слов всех песен, оттого солировал только Володя, а остальные только подхватывали припев.

Все удивлялись, откуда он их столько знал? А секрет был прост: Воронин, будучи очень любознательным по натуре человеком, и к тому же, обладая хорошей музыкальной памятью, не оставлял без внимания ни одну понравившуюся ему песню или мелодию, которые он слышал по радио или в исполнении кого-либо из бойцов.

Он записывал их на обрывках бумаги, а потом воспроизводил на слух по памяти, посвящая разучиванию песен несколько вечеров подряд.

...На третьи сутки, как и было запланировано, эшелон прибыл на станцию Дедовск – городок в 38 километрах от Москвы, получивший этот статус за год до войны.

Здесь мы влились в 237-ой Отдельный стрелковый батальон 23-ей бригады внутренних войск НКВД.

23-я Отдельная стрелковая бригада внутренних войск НКВД СССР была сформирована тем же приказом, что 21-я бригада.

Командиром бригады был подполковник Лускатов Б. Ф. (1942—43 гг.), военным комиссаром бригады – старший батальонный комиссар Клигман П. В., начальником штаба бригады – майор Медведев Серафим Федосеевич. Впоследствии бригадой командовали подполковник Тагинцев Андрей Федорович (1943 г.) и полковник Алексеев Александр Александрович (1943—1945 гг.).

Первоначально в состав бригады входили управление бригады, штаб бригады, политотдел бригады (г. Загорск) и 2 стрелковых полка: 306-ой (г. Загорск), 307-ой (г. Александров).

В июне-июле 1942 года в состав бригады был включен вновь сформированный 308-ой стрелковый полк внутренних войск (ранее – Московский мотострелковый истребительно-диверсионный полк Управления НКВД г. Москвы и Московской области). В середине июля 1942 года 308-ой полк выведен из состава бригады. Бригада в составе 306-го и 307-го полков передислоцирована на Дон в полосу Воронежского фронта.

Приказом НКВД СССР №002518 от 15.11.1942 г. бригада была перестроена по новым штатам:

- управление бригады, штаб бригады, политотдел бригады;
- 236-ой отдельный стрелковый батальон;
- 237-ой отдельный стрелковый батальон;
- 238-ой отдельный стрелковый батальон;
- 239-ый отдельный стрелковый батальон;
- 240-ой отдельный стрелковый батальон;
- отдельный батальон боевого обеспечения.

С 14 августа 1942 года по 18 декабря 1943 года, а затем с 30 марта 1944 года по 11 января 1945 года 23-я стрелковая бригада внутренних войск НКВД СССР входила в состав Действующей Красной Армии, имела условный номер – войсковая часть полевая почта №59814.

Бригада выполняла задачи по несению гарнизонной службы, части и подразделения бригады по месту дислокации принимали участие в охране внутреннего правопорядка, выполняли задачи по охране войскового тыла Воронежского, Западного, 3-го Украинского фрон-

тов, участвовали в борьбе с разведывательно-диверсионными группами противника, с марта 1944 года с вооруженными западно-украинскими отрядами УПА-ОУН, с мая 1944 года бригада в Румынии несла гарнизонную службу, отдельные подразделения и снайперские команды бригады принимали участие в боевых действиях на передовой линии фронта.

На этом процесс формирования частей и подразделений бригады не закончился. Окончательно наш 237-ой стрелковый батальон был сформирован чуть позже, но к этому времени он уже существовал как боевая единица чуть больше года и имел основательные боевые традиции.

Как было записано в историческом формуляре части, основными кадрами формирования 237-го ОСБ ВВ НКВД явились: 2-ой оперативный батальон 197 полка промышленных войск НКВД 11 стрелковой дивизии, впоследствии – 15-ой стрелковой дивизии ВВ НКВД, состоящей из кадрового состава полка и запасников, призванных Московским РВК.

Формирование части закончилось 15 декабря 1942 года и она получила наименование: «237-ой Отдельный стрелковый батальон внутренних войск НКВД, находясь в составе 23-ей стрелковой бригады ВВ НКВД».

В июне 1942 года, занимаясь охраной Московской зоны от проникновения вражеской агентуры, борьбой с дезертирством, поддержанием революционного порядка и режима военного времени, части охраняли Волоколамский сектор.

Служебная деятельность гарнизонов, дислоцирующихся в г. Дедовск, на ст. Крюково, Нахабино, д. Тимошкино, в целом складывалась из прочески местности, лесных массивов, производства облав в населенных пунктах, поездах, следующих на Москву по Ржевской и Октябрьской дорогах; службы контрольно-пропускных пунктов на грунтовых и шоссейных дорогах; высылки разведывательно-поисковых групп, установки засад...

Непосвященному читателю, наверное, режет слух слово «облава». Оно ассоциируется с карательными операциями, проводимыми фашистами в годы войны в оккупированных городах и селах, лесных массивах, в которых находились партизаны. От того-то и веет от него чем-то поганым, мерзким, противным.

Но тем не менее, слово «облава» в словаре русского языка С. И. Ожегова объясняется так: *«Облава – оцепление места, где находятся или могут находиться преследуемые лица, с целью их поимки».*

Поэтому ничего необычного в этом слове нет. Именно так, в соответствии с его истинным значением, при строгом соблюдении принципов социалистической законности и действовали воины-чекисты.

Кстати, участие воинов-чекистов в борьбе с фашистской агентурой противника в годы Великой Отечественной войны сыграло немаловажную роль в обеспечении успеха в боевых действиях частей и соединений Красной Армии.

Вот что писал в своей книге «От первого дня до последнего» ветеран пограничной службы, исследователь истории Пограничных войск РФ, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии полковник Юрий Григорьевич Кисловский: «С началом войны гитлеровские разведывательные органы резко активизировали подрывную деятельность на территории СССР. Зброшенные в тыл советских войск, агенты занимались шпионажем, диверсиями, сеяли панику среди беженцев и местного населения, пытались деморализовать наши войска.»<sup>18</sup>

Об этом сообщила 27 июня 1941 года газета «Правда»: «Население учится распознавать врага, как бы он не скрывался. Уже известны случаи, когда фашистские аэропланы с изображением красной звезды спускались над советской территорией и расстреливали из пулеметов мирных жителей. Известно также, что гитлеровские парашютисты наряжаются в милицей-

---

<sup>18</sup> Ю.Г.Кисловский, «От первого дня до последнего», М., Политиздат, с. 202.

скую одежду. Население горит ненавистью к гнусным убийцам и захватчикам и готово оказать частям Красной Армии любую помощь».

Словно развивая эту мысль, Ю. Г. Кисловский далее продолжал: «Не оставили своих гнусных попыток посеять зерно недоверия, страха фашисты и потом, на всем протяжении войны.

Враг делал на деморализации частей Красной Армии и местного населения тыловых районов особую ставку. Это было частью его психологической войны против СССР. Все это требовало от руководства страны экстренных и действенных мер противодействия. Поэтому 25 июня 1941 года Совет народных комиссаров принял постановление, согласно которому на пограничные и внутренние войска НКВД возлагалась охрана тыла Красной Армии.

Перед ними ставились задачи: «...обеспечить надежную охрану и защиту тыла войск от происков врага; ведение борьбы со шпионажем и диверсантами; охрана штабов, узлов связи и коммуникаций».

Это потребовало структурной перестройки войск, овладения чекистскими методами борьбы и высокой бдительности... Борьба с врагом, разведкой противника, диверсантами, пособниками фашистов стала в дальнейшем основой служебно – боевой деятельности пограничных и внутренних войск...

В ходе битвы под Москвой армейские чекисты и пограничные войска, несшие службу по охране тыла Западного фронта, задержали и разоблачили 1000 фашистских агентов»<sup>19</sup>.

Выполнением этих задач и занимались бойцы 237-го ОСБ ВВ НКВД в Подмосковье, а затем в Смоленске.

---

<sup>19</sup> Ю.Г.Кисловский, «От первого дня до последнего», М., Политиздат, с. 202, 204.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.